

Анна Дрэйк

Академия Хантстил
ЗА ГРАНЬЮ
БЕЗДНЫ

18+

Анна Дрэйк

**Академия Хантстил.
За гранью Бездны**

«Автор»

2026

Дрэйк А.

Академия Хантстил. За гранью Бездны / А. Дрэйк — «Автор»,
2026

Разлом в Алых Утесах пульсирует, готовясь изрыгнуть орду, которая окончательно сотрет человечество с лица земли. Трон Ландериза занят трусом, а единственная надежда Огненного Легиона — это Искра Гармонии и Дракон Бездны Элира и Левиар — идеальный резонанс. Смертоносное оружие, способное закрыть Бездну изнутри. Но чтобы захлопнуть дверь, им придется войти в нее. Командор Стилс готов на всё, чтобы уничтожить Кровавый Рой. Капитан Крэйг готов на всё, чтобы уберечь своего командора от последнего шага в небытие. А Левиар он готов сжечь весь мир, лишь бы не дать Элире принести себя в жертву. Это не героический поход. Это финал, где каждому придется выбрать: спасти человечество или того, кто дороже самой жизни. В финальной части: Битва за Алыми Утесами Истинная цена некромантии Противостояние стратегий: разум против чистой ненависти. Выбор Левиара: Спасет ли он мир, если платой станет Элира? Никто не вернется прежним. Если вообще вернется.

Содержание

книга 3	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Дрэйк
Академия Хантстил. За гранью Бездны
книга 3

Глава 1

Пробуждение бездны

Элира

Тишина.

Не мирная. Напряжённая. Дрожащая, как натянутая тетива.

Тишина зала испытаний Академии Хантстил, где воздух пропитан озоном, застывшей магией и страхом.

Я стою на зачарованном круге из кристаллов, вбитых в каменный пол.

Под ногами — витиеватые руны, излучающие холод. Напротив в трёх шагах — Левиар. Он без мундира, в простых штанах и белой рубашке.

На его предплечьях и запястьях змеятся шрамы и живые, подрагивающие зелёные искрящиеся линии.

Он дышит ровно, но слишком громко. Его янтарные глаза прикованы к моим, и в них — не привычная холодная уверенность, а концентрация хищника перед прыжком.

И страх. Не за себя. За меня.

Всегда за меня.

— Концентрация. — Голос командора Стилса звучит с балкона наблюдения, врезаясь в тишину. Он опирается на перила, его лицо всё ещё бледное, тело кажется непривычно хрупким в привычном чёрном командорском кителе, но военная выправка, голос — та же сила и власть. И, конечно, взгляд. Взгляд, который прожигает насквозь. — Упор не на силе, Элира. На ощущении связи. Вы — не два отдельных существа. Вы — один резонанс. Одно целое. Смертельное оружие. Поймите.

Он говорит это в сотый раз. Мы пытаемся понять уже вторую неделю. После площади, после той вспышки чёрно-красного хаоса, который я создала, и восстановления командора прошёл почти месяц.

Месяц осознания.

Мы — оружие. Непредсказуемое, опасное. И Стилс намерен его отточить. Или понять, как оно взорвётся, чтобы направить взрыв в нужную сторону.

Впрочем, Левиар к этому привык с рождения. Для меня же это чувство совершенно новое. Я привыкла быть защитой. Спасением. Но разрушительным оружием — никогда.

— Попробуйте снова, — говорит Стилс. — Элира, попробуй почувствовать не свой свет, а его тьму. Впусти её. Не бойся.

— Я не боюсь, — выдыхаю я, но это ложь.

Я боюсь. Боюсь этого чужого холода внутри, этого чёрно-алого пламени, которое теперь живёт под моей кожей. Боюсь потерять себя. Стать монстром, как... как...

Я бросаю быстрый взгляд на стоящего рядом Левиара.

— Эли, — тихо зовёт он меня.

Одно слово. Оно не звучит как ласка. Как команда. Соberись.

Интересно, что бы он подумал, услышав мои мысли... Наверняка бы расстроился.

Проклятье, теперь и перед ним неловко.

А вдруг он слышит мои мысли?! Мы же можем смотреть глазами друг друга. Слышать!

Ой-ой!

Левиар, прости-прости!

— Эли? Ты в порядке? — Левиар изгибает бровь.

— Я? Да! В абсолютном! А чего ты спрашиваешь? С чего вообще такие вопросы? — Я эмоционально скидываю руки.

— Да ты просто на меня уставилась так, будто не знаешь: хочешь убить меня или броситься к ногам, — хмыкает Левиар. — Подсказка — второе предпочтительнее.

— Значит, выберу первое. Спасибо, что помог определиться, — фыркаю я.

— Вам рты зашить, чтоб вы наконец занялись делом? — раздаётся холодный голос Крэйга. — Если считаете, что торчать здесь и нянчиться с вами — это предел мечтаний, то отсыпьте мне такой же самоуверенности.

— А у тебя её не хватает, Крэйг? — цедит Левиар. — Вот уж удивительно.

— Соберитесь, — Стилс прерывает общую перепалку, — времени мало. Чем быстрее научитесь синхронизировать ваши силы, тем лучше.

— Да, простите, командор.

Я закрываю глаза и снова сосредотачиваюсь.

Внутри — не гармония. Руины. Зелёный свет, разбитый на осколки, плавающие в чёрно-красной тяжёлой смоле. Я тянусь к ней. К этой смоле. К ее сути.

И она отвечает.

Не волной. Рывком. Как будто меня резко утаскивают в темноту.

Я вскрикиваю.

Моя рука сама дёргается вверх. Из ладони не вырывается ни свет, ни пламя. Воздух передо мной искривляется. С треском, похожим на ломаемое стекло, возникает вихрь. Маленький, размером с яблоко.

Но внутри него — ничего.

Не цвет. Отсутствие цвета. Абсолютная чёрная пустота, обрамлённая багровыми дёргающимися молниями. Разлом свистит, затягивая в себя пыль с пола и сорвавшийся с балкона листок бумаги. Он исчезает без следа.

— Держи! — повышает голос Стилс, и в его тоне — азарт учёного. — Контролирую форму!

Но я не могу. Это не я держу. Это она держит меня. Чёрная дыра пляшет на моей ладони, её границы плывут. Она хочет расти. Хочет поглотить больше.

— Левиар! — стоном вырывается у меня.

Он уже движется мне навстречу.

Его рука тянется к моей вихревой дыре, пальцы светятся изнутри зловещим красно-зелёным светом.

— Нет! — Я пугаюсь. — Стой! Не надо!

— Доверься, — сквозь стиснутые зубы говорит он. — Мы должны.

Его пальцы входят в край вихря.

Мир взрывается.

Не грохотом. Глухим внутренним ударом, от которого содрогаются стены зала. Наши силы не сливаются. Они сталкиваются. Мой чёрный вихрь и его ало-зелёная энергия.

И пространство между нами рвётся на части.

Это уже не маленькая дыра. Это разлом. Вертикальная трещина в самой реальности, высотой в человеческий рост. Края её пылают алым и зелёным одновременно, а внутри — бархатная беззвёздная тьма. Из неё доносится... звук.

Тихий навязчивый шёпот тысяч голосов. И запах — меди, крови и тления.

Из разлома вырывается струя ледяного ветра. Он не просто холодный. Он мертвенный. Руны на полу под нами гаснут одна за другой.

— ЗАКРОЙ НЕМЕДЛЕННО! — Это уже не команда Стилса. Это рёв Крэйга, который материализовался из тени у стены. — БЫСТРО!

Он бросается вперёд, но Стилс резким жестом останавливает его.

— Вэйлон, нет.

Левиар стоит в полушаге от разлома. Его глаза расширены. Он смотрит не на трещину. Внутрь. В ту тьму. Его лицо искажает гримаса... узнавания? Тоски?

Он... он там что-то слышит? Что?!

— Левиар! — Моё сердце колотится где-то в горле. Моя дыра исчезла, поглощённая этим большим разломом. Но связь болит, как открытая рана. Я чувствую, как его тянет внутрь. Как тьма зовёт его... домой.

— Она... там... — произносит Левиар шёпотом, и его рука тянется к разлому. — Пахнет яблочным пирогом... чувствуешь?

Глава 2

Долг и защита

— НЕТ!

Я не думаю. Я делаю рывок, хватаю его за руку, оттаскиваю назад. Наша кожа соприкасается: его — обжигающе горячая и моя — ледяная от страха.

В момент касания разлом вздрагивает. Края его пульсируют. И из глубины тьмы медленно, словно нехотя, выползает нечто. Не бабочка. Не тварь. Просто сгусток багровой полупрозрачной слизи. Он падает на каменный пол с тихим шлепком и замирает.

Разлом начинает сжиматься. Медленно, с противным скрипом.

Щелчок — и через три секунды от него остаётся лишь тонкая дымящаяся трещина в воздухе, которая затем рассеивается.

Снова повисает тишина — гулкая и оглушительная одновременно.

Мы стоим, держась за руки и тяжело дыша. Левиар смотрит на то место, где был разлом. Я смотрю на сгусток слизи на полу — он пульсирует слабым светом.

С балкона спускается Стилс. Его шаги чёткие, но чуть медленнее, чем раньше. Он подходит, не глядя на нас, и наклоняется над сгустком. Крэйг мгновенно оказывается рядом, как тень, готовый в любой момент оттащить командора.

— Любопытно, — говорит Стилс тихо, вытягивая из складок одежды длинный стальной щуп. Тянется к нему...

— Совсем идиот? Мало в постели провалялся? Дай сюда.

Крэйг отбирает щуп и сам касается сгустка.

Щуп на кончике чернеет и начинает дымиться.

Командор задумчиво прищуривается.

— Хм, не агрессивен. Пассивная форма. Почти... спящая. — Он поднимает взгляд на нас. На наши сплетённые руки. Его глаза — ледяные озёра, в которых плавают вычисления. — Но это именно то, что я и думал. Вы открыли не просто портал. Вы открыли окно прямо в источник. В самую бездну, откуда приходит рой.

— Мы... мы не хотели, — бормочу я, отпуская руку Левиара. Мне вдруг становится стыдно. Стыдно за эту потерю контроля. За этот ужас и тоску, которые я видела в его глазах.

— Это неважно. — Стилс выпрямляется, его лицо становится каменным, как всегда, когда в его голове формируется очередная чёткая цель. — Факт в том, что это возможно. Левиар способен открывать врата. Ты, Элира, — создавать точки сингулярности, которые эти врата... стабилизируют или, наоборот, разрывают. Комбинация ваших сил способна не просто убить часть роя. Она способна добраться до самого сердца заразы.

Он делает паузу, обводя взглядом зал, нас, Крэйга, чьи кулаки сжаты так, что костяшки белеют.

— Но чтобы закрыть дверь, — продолжает он, и каждый его звук падает, как приговор, — вам нужно будет зайти внутрь, в самый эпицентр, и подорвать его изнутри скоординированным выбросом ваших совмещённых энергий.

Левиар медленно поворачивает ко мне голову. В его взгляде нет вопроса. Там — абсолютное, леденящее понимание. И сопротивление. Яростное, животное сопротивление.

— Нет, — говорит он. Голос тихий, но в нём такая сталь, что я вздрагиваю. — Не её. Она не пойдёт туда.

— Левиар... — начинаю я.

— Я сказал, нет! — Он поворачивается ко мне, и в его глазах горит не ярость бездны. Это что-то другое. Паническая, слепая потребность уберечь. Уберечь вопреки всему. — Ты не понимаешь, что там! Я чувствовал! Это не место для живых! Это... конец!

— А здесь разве не конец? — вырывается у меня. Голос звучит выше, чем я хотела. В нём слышны все мои страхи, вся накопившаяся за месяц злость на эту ситуацию, на себя, на эту проклятую силу. — Если мы не закроем этот разлом, рой придёт сюда! Снова! Мы все умрём! Ты хочешь снова смотреть, как горят люди? Как горят наши? — В глазах у меня стоят слёзы, но я не даю им пролиться.

— Плевать мне на людей! Сколько раз тебе говорить?! Совсем дура? Я не допущу, чтобы ты горела! Это главное! Понимаешь?! — Левиар кричит. По-настоящему кричит. Его контроль даёт трещину. Красные прожилки на его шее вспыхивают ярче. — Я не... я не переживу этого. Поняла? Я ломаюсь. Я могу вынести абсолютно всё. Но не потерять тебя.

Мы стоим, уставившись друг на друга, разделённые всего парой футов, но пропасть между нами кажется глубже только что открытого разлома. Он видит во мне хрупкую вещь, которую нужно спрятать. Я вижу в нём барьер на пути к единственному шансу всё исправить. Это уже не спор, а пугающее столкновение двух инстинктов — защищать и действовать.

— Довольно. — Холодный голос Стилса разрезает наше противостояние. Он смотрит на нас без эмоций. — Ваши личные драмы никого не интересуют. Интересует только результат. Вы — ключ. И вам нужно научиться им пользоваться синхронно. И вы это сделаете.

— Да неужели? — рычит Левиар и делает шаг к Стилсу. — Уверен?

Перед Стилсом мгновенно возникает фигура Крэйга.

Холодные серые глаза и горящие янтарные перекрещиваются будто клинки. Но и там, и там горит готовность убивать, не раздумывая.

Глава 3

Инстинкты

Левиар

Один шаг.

Всего один мой шаг вперёд, и между мной и Стилсом возникает Крэйг. Он не занимает стойку. Не выхватывает оружие. Он просто стоит. И этого достаточно, чтобы заставить меня остановиться.

Его серые глаза — как лезвие, и такие же холодные. В них нет угрозы. Есть факт. Он — стена. И если я попробую пройти, он станет щитом, колючей проволокой, ловушкой. Он отдаст свою последнюю каплю крови и последний переломанный палец, прежде чем пропустит кого-то, кто просто дышит с яростью в сторону его командира.

И я... понимаю его.

Потому что в эту секунду я — его зеркало.

Только смысл моего существования — не человек в чёрном кителе с умными, уставшими глазами.

Мой смысл — блондинка с глазами цвета летнего неба, которая сейчас смотрит на меня как на врага. И я тоже готов. Готов на всё.

«Плевать мне на людей».

Эти слова по-прежнему висят в воздухе, жгучие и правдивые.

Я их сказал. И не испытываю ни малейшей вины, потому что это правда.

— Уверен? — повторяю я свой вопрос, но уже не Стилсу. Крэйгу. И в моём голосе — не угроза. Констатация. Мы оба знаем правила этой игры. — Отойди, капитан.

Крэйг не моргает.

— Сделай шаг, генерал. Проверь.

Воздух трещит от напряжения, от немой дуэли двух чудовищ, приученных видеть угрозу в каждом движении. Преданность капитана — это инстинкт, введенный в его вены с кровью фамильяра и памятью общих сражений плечом к плечу.

Моя — это пульсирующая необходимость, вбитая в кости, разум и самую суть.

Мы оба — оружие, которое вот-вот сорвется с предохранителя, потому что наши хозяева в опасности.

Я чувствую, как по моей спине бегут мурашки. Не от страха. От пробуждающейся бездны. Она чувствует конфликт. Чует угрозу для себя. Зелёные прожилки под кожей начинают пульсировать в такт сердцу, смешиваясь с привычным алым свечением. Это неконтролируемо. Опасно.

— Левиар. — Голос Элиры сзади звучит тихо, но резко. Она не умоляет. Она... предостерегает. Но это не имеет значения. Её безопасность превыше её желаний. Выше всего.

— Элира, молчи, — бросаю я через плечо, не отрывая взгляда от Крэйга. — Это не твой бой.

— Это вообще не должен быть бой! — Её голос крепнет. В нём появляются те самые нотки, которые я слышал на площади, — упрямые, яростные. — Ты с ума сошёл?! Я не хочу, чтобы ты...

— Я сказал, МОЛЧИ!

Мой голос вырывается хриплым рыком. Это не крик на неё. Это крик на мир, который снова и снова пытается забрать у меня единственное, что имеет значение.

Стилс и его планы, рой, проклятая академия, весь гнилой Ландериз — всё это шум. Фон. Единственная реальность — она. Элира. Её дыхание, сердцебиение, жизнь. И я огражу её от всего. Даже от неё самой, если придётся.

Я делаю ещё полшага. Не для атаки. Для давления. Моё плечо почти касается плеча Крэйга.

В его глазах вспыхивает пульсирующее напряжение человека, который слишком долго был на грани.

— В последний раз, Крэйг, — говорю я тихо, так, что слышит только он. — Отойди. Или я пройду через тебя.

В его глазах что-то меняется. Не страх. Готовность. Абсолютная, леденящая готовность исполнить свою функцию. Его пальцы чуть шевельнулись, готовясь к движению, которое будет быстрее мысли.

— Хватит.

Голос.

Всего одно слово, произнесённое негромко, но с такой безупречной, неоспоримой властью, что даже воздух, кажется, замирает.

Глава 4

Возвращение

Левиар

Голос Оберона Стилса.

Командор Огненного легиона не повышает тон. Не делает резких движений.

Он просто смотрит на нас. На Крэйга. На меня.

И этого хватает, чтобы мы замолчали.

— Вэйлон, успокойся.

— Чтобы что? Чтобы этот псих кинулся на тебя? — цедит Крэйг. — Не видишь? У него в башке только Вэйл и как её сохранить. А что будет с Ландеризом, ему плевать. Он даже не задумывается над тем, где именно им потом жить, если Кровавый рой здесь всё поглотит.

— Об этом не беспокойся. Это уже мои проблемы, — коротко говорю я.

Стилс кладёт ладонь на плечо Крэйгу.

— Вэйлон, успокойся. Это оценка ситуации. Левиар имеет на это право.

Крэйг замирает. Кажется, каждый мускул в его теле протестует против этого приказа.

Но он замирает. Его глаза по-прежнему прикованы ко мне, но теперь в них не просто готовность к бою. Это ярость вынужденного послушания.

— Левиар, — Стилс переводит на меня взгляд, — тем более что цена спокойной жизни Ландериза действительно запредельно высокая. Я понимаю. Бояться и не желать её платить — это нормально. Но подумай о том, что повлечёт за собой эта безусловная и эгоистичная любовь. Ты сделал шаг вперёд — от слепого выполнения приказов Варгоса к защите того, что важно лично для тебя. Но, Левиар, — Стилс смотрит на меня в упор, а его синие глаза буквально въедаются в мозг, — нужно сделать ещё один шаг. Самый важный. От защиты своих к защите всех. Общей.

У меня невольно вырывается горький смешок.

— Чтоб тебя, Стилс. Умеешь ты говорить. Даже я бы повёлся. В любой другой ситуации. Но не сейчас. Не когда дело касается Элиры... Я не собираюсь.

Элира стискивает кулаки и вскидывает подбородок.

— А может, дашь мне самой разобраться? Ты говоришь о том, как сложно было выполнять приказы, не иметь своего мнения. Но, знаешь, сейчас ты делаешь то же самое.

— Это другое, Элира! — рычу я.

Проклятье, как она не понимает?! Откуда в ней столько желания лезть в самое пекло ради тех, чьих имён она даже не знает?!

— Это то же самое! — Она резко подаётся вперёд. — Не решай за меня, понял?!

Я хватаю её за запястья и сжимаю. Не больно, но достаточно сильно, чтоб хоть как-то достучаться до её мозга, который запудрил ей Стилс.

— Буду. Потому что ты не соображаешь, — рычу я ей в лицо. — Я не позволю. Ни Стилсу. Ни тебе.

— Я тоже не хочу этого, что бы ты ни думал, Левиар, — снова говорит Стилс, и я фыркаю.

— Ну да, конечно. Как будто фанатика может волновать хоть что-то, кроме достижения своей цели.

Стилс ведёт плечом.

— Можешь думать что угодно, но это правда. Поэтому я всегда открыт к предложениям. Если у тебя есть другие, то с удовольствием их выслушаю.

Урод. Специальная манипуляция.

— Придумаю. Не волнуйся, — процеживаю я сквозь зубы.

Стилс невозмутимо кивает.

— Буду только рад. Но не затягивай. Не знаю, слышал ты или нет, но Карл Варгос сбежал из своей камеры.

Я хмыкаю.

— Что? У него получилось то, чего не вышло у тебя?

Стилс улыбается одними глазами.

— Ну, может, это и к лучшему.

И снова проклятая непробиваемость. Как будто мы не знаем, что он и не собирался, а сидел и продолжал играть нами всеми, как шахматными фигурами.

— В любом случае побег — это официальная версия. Я был там. И всё указывает на то, что Варгоса поглотил рой.

Я фыркаю.

— Уроду — такая же смерть. Туда ему и дорога.

— Может быть, но теперь у роя есть королевская драконья кровь, стратегический ум, ожесточённый личной ненавистью, и знание всех наших сильных и слабых сторон. Ты думаешь, он остановится? Он придёт сюда. С армией, которую мы не сможем остановить. И есть очень большой шанс, что Элира будет основной целью.

Твою мать...

Варгос!

Ненавижу!

Он всегда отбирал у меня всё, что было важным.

Но отобрать Элиру я не позволю.

Я кожей чувствую, как у Элиры за спиной перехватывает дыхание.

— Единственный способ по-настоящему защитить её, — продолжает Стилс, и его голос становится тише, но от этого только веселее, — это устранить угрозу полностью. Уничтожить источник. И для этого нужно то, что есть только у вас двоих. Оружие против роя.

Удар бьёт точно в цель. В ту самую трещину, только что образовавшуюся между мной и Элирой. Я хочу защитить её, а он говорит, что я её же и убиваю.

Я наконец смотрю Стилсу в глаза. Злость во мне не угасла. Она бурлит, чёрная и ядовитая. Но теперь в ней появилась щель. Щель для этого ледяного, безжалостного голоса разума.

— Ты... гарантируешь, что она выживет? — вырывается у меня.

Стилс смотрит на меня прямо. Не обещает. Не лжёт.

— Нет, — говорит он честно. — Никто не может этого гарантировать. Шансы невелики. Но я знаю одно: если мы не попробуем, шансов не будет вовсе. Для неё. Для всех. Ты сам это знаешь. Просто отказываешься принимать.

Я оборачиваюсь к Элире. Она смотрит на меня. В её глазах уже нет ярости. Там — понимание. И решимость. Та самая, что вела её в бой в Эльстарте. Она готова. Она хочет идти.

И это хуже всего. Потому что я не могу защитить её от неё самой.

Я закрываю глаза. На секунду. Внутри всё горит. Бездна рвётся наружу, гармония выжигает её изнутри. Но сквозь этот адский пожар я слышу одно: её сердцебиение. Уверенное. Сильное.

Я открываю глаза.

— Хорошо, — говорю я. Голос хриплый, сдавленный. — Мы тренируемся. Мы учимся. Но, — я снова поворачиваюсь к Стилсу, и в моём взгляде — последнее условие, — когда время придёт... я иду первым. Я проверяю каждый шаг. И если что-то пойдёт не так... я вытащу её. Даже если мне придётся тащить её за шиворот. Понял?

Стилс смотрит на меня. В уголках его губ дрогнуло что-то. Не улыбка. Признание.

— Понял, генерал, — коротко говорит он.

И... как всегда, ничего не обещает.

Стилс поворачивается к выходу, и в этот момент вбегает бледный Арзас.

— Командор, срочное донесение из столицы.

Стилс сдвигает брови к переносице.

— Говори.

Арзас сглатывает.

— Час назад Карл Варгос вошёл в тронный зал. Один. Живой. Без единой царапины. Он объявил, что его похищение было инсценировкой мятежников, и приказывает Огненному легиону в полном составе прибыть в столицу. И отдельно... он требует доставить свой меч. Генерала Левиара Нокса.

Меня прошибает разрядом по венам.
Да когда же эта мразь сдохнет?!

Стилс молчит долго. Он смотрит на сгусток слизи, который всё ещё пульсирует на полу. Затем переводит взгляд на меня.

— Приказывает? Энтони настолько слаб, что впустил обратно человека, официально объявленного предателем? Грустно это знать. Но полезно. Ну а рой... Рой решил поиграть в политику, — тихо произносит Стилс, и на его губах появляется холодная, пугающая улыбка. — Что ж, мы приедем. Один раз вышвырнули паразитов из столицы, сделаем это ещё раз.

Глава 5

Цель

Левиар

Чёрные стены. Золотые украшения. Воздух, пропахший ладаном, роскошью и страхом. Запах дворца не меняется. Он впитан в камни, как и память.

Я иду по знакомому коридору. Ступаю по плитам, которые помнят звук моих шагов — сначала робких, потом чётких, затем — просто тяжёлый топот орудия, следующего за своим хозяином. Стены помнят. Помнят, как меня ломали здесь. Сначала — измором, голодом, насмешками придворных. Потом — болью, когда меня «тренировали» в подвалах по приказу прежнего императора. Затем — холодными, расчётливыми приказами самого Карла Варгоса.

«Убери этого лорда». «Подави бунт в низинах». «Сожги деревню, где укрываются мятежники».

Здесь меня отковали в клинок. И здесь же надели на меня цепь.

Я думал, этот этап жизни закончен. Думал, тварь, сидевшая на троне, наконец получила по заслугам — сгорела в пламени своего же предательства.

Но нет.

Он вернулся.

Живой. Целый. И снова отдаёт приказы.

Ненависть — чёрная, маслянистая, знакомая — поднимается по горлу. Она смешивается с новой, дикой яростью. Он посмел не просто вернуться, а потребовать её.

Как будто и её считает собственностью.

Как будто я всё ещё императорский пёс, который будет спокойно ждать и выполнять его приказы.

Я сжимаю кулаки. Зелёные прожилки на тыльной стороне ладоней вспыхивают в такт сердцебиению. Рядом со мной идёт Элира. Её плечо почти касается моего. Я чувствую её напряжение через нашу связь. Она не боится. Она... сосредоточена. Готова к бою. Эта её готовность одновременно успокаивает и бесит. Успокаивает, потому что она сильная. Бесит, потому что она не должна быть здесь. Не должна снова видеть это лицо.

Позади нас — остальной легион. Твёрдый, молчаливый клин, ведомый Стилсом. Командор идёт впереди. Его чёрный китель выделяется на фоне позолоты. Его шаги негромкие, но каждый отдаётся в тишине предтронного зала эхом абсолютной власти. За ним в полушаге, как всегда, Крэйг. Его взгляд скользит по каждому углу, каждой нише, каждому стражнику, как живой щит. И сейчас этот щит напряжён до предела.

Двери тронного зала распахиваются, и в уши ударяет шум.

Не радостный, не торжественный — тревожный.

Приглушённый гул десятков голосов. Аристократы, советники, маги гильдии — все они столпились здесь. Их лица — маски растерянности и страха. Они не знают, кому верить, кому повиноваться. В центре этого смятения — два кресла.

На одном, побольше, сидит Энтони Варгос. Он ёрзает. Его пухлое лицо бледно, глаза бегают. Он смотрит то на брата, то на Леонору, то на дверь.

Какое же жалкое зрелище.

Губы кривятся в презрительной гримасе.

На другом кресле, чуть меньше, с прямой, гордой спиной сидит Леонора.

Её лицо — ледяная маска, но пальцы вцепились в подлокотники так, что кажется, она вот-вот сломает дерево. Её взгляд прикован не к братьям Варгосам. Она напряжённо смотрит в сторону двери и явно ищет в толпе одно лицо.

И когда её взгляд находит Стилса, в глазах Леоноры на миг вспыхивает нечто острое — облегчение, ярость, надежда. И что-то ещё. Что-то глубокое и личное.

А между ними перед тронами стоит он.

Карл Варгос.

Он одет в простые, но чистые одежды. Никаких ран. Никаких следов пыток или побега. Он стоит, как будто никогда и не уходил. Но это не он. Не совсем. Его улыбка... она слишком широкая. Слишком спокойная. В его жёлтых глазах нет прежней истеричной злобы. Там — холодная, бездонная уверенность.

На мгновение наши взгляды встречаются, и он делает издевательский кивок.

Будто старому другу, которому обещает что-то крайне интересное.

Но едва Карл видит Стилса, как в его взгляде происходит навязчивая, почти физическая фиксация. Он смотрит на него, как коллекционер на редкий экспонат, как хищник на добычу, с которой решил сначала поиграть.

— Оберон! — Его голос звучит приветливо, почти радостно. — И легион! В полном составе! Как и приказывал. Отлично. Порядок восстановлен.

Стилс останавливается в десяти шагах от Карла Варгоса. Весь легион замирает у него за спиной, как тень.

— Порядок, — повторяет Стилс. Его голос, тихий и чёткий, режет гул в зале. — Интересное определение для человека, официально обвинённого в государственной измене и сговоре с Кровавым роем, и чьё место — в камере, в ожидании суда. Или на эшафоте.

Над залом проносится шёпот. Варгос лишь улыбается шире.

— О, эти нелепые обвинения! Инсценировка мятежников, пытавшихся захватить власть! Но я жив. Я вернулся. И я прощаю тебе эту ошибку, Оберон. В пылу битвы легко ошибиться.

— Ошибка, — Стилс делает короткую паузу. Его голос становится ещё холоднее, — это считать, что мы будем играть в твои игры. Я думал, что поглощение бывшего императора должно усилить общий интеллект роя. Очевидно, я переоценил его влияние.

Последнее слово он бросает как обвинение. Варгос моргает. Его улыбка не сходит, но в глазах мелькает что-то... раздражённое. Как будто его дразнят.

— О чём ты? Поглощение? Я твой император, Стилс.

— Мой император, — говорит Стилс, поворачиваясь к бледному Энтони, — сидит на троне. А ты — просто очередная уродливая тварь, которую нужно уничтожить. Искры! Свет!

Элира и остальные искры поднимают фонари, и магический свет ударяет по Варгосу. Он абсолютно безопасен для всех.

Кроме порождений роя.

Несколько потоков энергии сходятся на фигуре Варгоса.

Он вскрикивает. Не от боли. От неожиданности. От оскорбления.

И его облик дёргается.

На долю секунды светлая ткань на его одежде чернеет, превращаясь в хитиновые пластины. Его кожа на лице и руках становится полупрозрачной, обнажая пульсирующую багровую сеть жил. Его глаза вспыхивают тем же алым светом, что и у Домариса. Запах меди и глени становится явным, заглушая ладан.

Аристократы ахают и отшатываются. Энтони вскрикивает и чуть не падает с кресла. Леонора застывает, её ледяная маска трескается, обнажая ужас.

Варгос трясёт головой, и его облик снова стабилизируется, возвращаясь к человеческому. Но иллюзия разрушена. Все видели.

— Видите? — Голос Стилса звучит как удар гонга. — Это просто оболочка. Генерал Кровавого роя. И он пришёл не править. Он пришёл уничтожить. Левиар, Элира, добейте его. Сейчас.

Приказ. Прямой. Жёсткий и не оставляющий места для сомнений.

И это именно тот приказ, который я выполню с удовольствием.

Я уже в движении. Моё тело реагирует раньше мысли. Всё во мне кричит об одном — уничтожить эту мразь. Элира рядом.

Наши плечи соприкасаются. Внутри всё кипит, но теперь это не хаос. Это фокус, состоящий из чистой ненависти.

Элира поднимает руку.

Не фонарь. Просто руку. И из её ладони вырывается концентрированный луч чистого, резкого изумрудного сияния — суть её гармонии, очищенная от тьмы.

Я поднимаю свою. Моё свечение — чёрное с алым окаймлением — не светит. Оно пожирает свет вокруг, создавая контрастную тень рядом с её лучом.

Наши энергии переплетаются, соединяясь в смертоносный вихрь.

Но Варгос не пытается защититься. Он... просто становится прозрачным, словно призрак.

Наш вихрь проносится сквозь него, будто сквозь дымку.

А Варгос смотрит прямо на Стилса. И улыбается. Теперь это улыбка чистой, безумной одержимости.

— Торопишься, Оберон? — Его голос звучит почти ласково. — Боишься, что я отниму у тебя твои игрушки? Твою академию? Твой легион? Твоё... будущее? — Его взгляд скользит по Леоноре, и в нём такое скотское понимание, что она бледнеет ещё больше. — Я не просто уничтожу тебя, Стилс. Я сниму с тебя всё. Славу. Надежды... Кожу. Оставлю голый, никому не нужный скелет. И только тогда...

Он не заканчивает. Потому что в этот момент Крэйг делает молниеносный выпад. Его клинки — вспышка в полумраке зала — рассекают воздух там, где только что стоял Варгос.

Но его там нет.

Варгос отступает на шаг... и его тело начинает рассыпаться. Не в бабочек. В облако алой металлической пыли. Пыль кружится, свистит, и из неё доносится его голос, уже искажённый, эхом звучащий из тысячи точек:

— ...только тогда мы поговорим по-настоящему! Ждите меня, чёрный король! Жди! Сам приползёшь к нам. А мы ещё спляшем на твоих костях!

Облако сгустком проносится к высокому витражному окну, разбивает его с оглушительным звоном и вываливается наружу, растворяясь в небе.

Наступает тишина. Разбитое стекло падает осколками на пол.

— Ч-что это было?! — визгливо кричит Энтони, вскакивая. — Он... он...

— Он сбежал, — холодно констатирует Стилс. Командор даже не смотрит на окно. Смотрит туда, где стоял Варгос. В его глазах — не разочарование. Расчёт. Оценка новой угрозы. — И теперь мы знаем его истинное лицо. И его цель.

— Цель — ты, — хрипит Крэйг, подходя к Стилсу так близко, что их плечи почти соприкасаются. На лице капитана — не гнев. Паника. Та самая, которая была на площади. — Он одержим тобой. Он будет идти только за тобой.

— Значит, мы используем это, — просто говорит Стилс. Он поворачивается к перепуганному залу. — Угроза подтверждена. Карл Варгос — не человек. Он часть роя. Любой, кто

встанет на его сторону, будет считаться предателем Ландериза и уничтожен. Это приказ нового императора. — Он смотрит на Энтони. Не спрашивает. Заявляет.

Энтони открывает рот, чтобы что-то сказать, но встречает взгляд Стилса — холодный, непреклонный, полный того самого обещания, что было на суде. Делай, как я скажу, или разделишь участь брата.

Энтони сглатывает и кивает быстро-быстро.

— Да... да, конечно! Приказ императора! Так и есть!

— Хорошо. — Стилс снова поворачивается к легиону. К нам. — Теперь мы знаем врага в лицо. И мы знаем, что времени у нас ещё меньше, чем мы думали. Готовьтесь. Мы идём к алому утёсу. И на этот раз мы не остановимся, пока не доберёмся до самого сердца.

Он отдаёт приказ, и в его голосе — та же непоколебимая решимость, что и перед Эль-стартом. Только теперь ставки выше. Теперь это не просто битва.

Это охота. И хищник знает, кого хочет съесть первым.

Я смотрю на Элиру. Она — на разбитое окно. В её глазах — не страх. Тот самый огонь. Огонь Эрена, который видит врага и хочет его уничтожить.

И я понимаю: не будет тихой жизни, не будет спокойных тренировок. Варгос сделал это личным. Для Стилса. Для неё. Для меня.

Хорошо.

Если он хочет войны — он её получит.

Но на этот раз оружием буду не я.

Оружием будем МЫ. И мы разнесём его проклятый рой на части.

Глава 6

Опасный танец

Элира

Тронный зал Ландериза залит золотым светом тысячи свечей. Воздух гудит от приглушённых разговоров, шелеста шёлковых платьев и запаха воска, ладана и тревоги. Всё высшее общество империи собралось здесь, чтобы наблюдать за коронацией Энтони Варгоса.

Но глаза толпы прикованы не к трону.

Они смотрят на него.

Оберон Стилс.

Он стоит в первом ряду, выделяясь чёрно-золотым пятном своего парадного командорского кителя на фоне моря аристократических цветов. Он не стоит по стойке «смирно». Стоит прямо, но свободно, руки за спиной. Его лицо — бледное, ещё не до конца восстановившееся после ожогов, но абсолютно бесстрастное. Он смотрит на происходящее не как зритель, а как полководец, оценивающий расположение сил на поле боя.

Он — ось, вокруг которой сейчас вращается весь этот спектакль. И все это знают.

Рядом с ним, в полушаге позади и левее, как его собственная тень, стоит капитан Крэйг. Он не в парадной форме. В тёмной, практичной одежде, в которой можно мгновенно исчезнуть в любом уголке зала или так же мгновенно нанести удар. Его серые глаза не блуждают по толпе. Они сканируют пространство вокруг Стилса: окна, колонны, лица стражников. Каждый его мускул напряжён, готовый в любой миг превратиться в живое оружие. Капитан выглядит так, будто собирается не на коронацию, а на поле боя, где враг может явиться откуда угодно.

На возвышении под тяжёлой парчовой сенью сидит Энтони Варгос. Его облачили в невероятно пышные, усыпанные драгоценностями и явно тяжёлые одежды. Его пухлое лицо покрыто испариной. Он не сидит на троне, а съживается на нём. Глаза бегают то по толпе, будто в поисках старшего брата (слава богам, Карла Варгоса здесь нет и уже не будет!), то по

холодному лицу жены, то по непроницаемой фигуре Стилса. Он похож на мальчика, которого посадили играть в короля, а он боится сломать дорогую игрушку.

Слабый, ни к чему не приспособленный мужчина, загнанный на трон силой обстоятельств и волей куда более сильных людей.

А рядом с ним на чуть меньшем, но не менее величественном кресле восседает Леонора Армор. Белая королева.

Вот её право находиться здесь считается мгновенно.

Она — картина ледяного, безупречного величия. Её осанка идеальна, лицо — маска спокойной власти. Но тот, кто умеет видеть, заметит напряжение в уголках её губ, в слишком прямом положении шеи. Её взгляд, холодный и аналитический, скользит по залу, оценивая, подсчитывая... и постоянно возвращается к Стилсу. В её глазах, когда они на нём останавливаются, нет той всепоглощающей личной тревоги Крэйга. Там — сложная смесь восхищения, расчёта и чего-то глубоко личного, что она тщательно скрывает под маской. Хотя это становится всё очевиднее. Леонора видит в Стилсе не просто спасителя или стратега. Она видит того, кто мог бы быть настоящим императором. И в этом взгляде — горькое сожаление и неугасаемая искра надежды.

Архимагистр гильдии, старый Тайрис Гаурон, возлагает на голову Энтони тяжёлую старинную корону Ландериза. Металл со звоном опускается на его голову. Толпа взрывается вежливыми, вымученными аплодисментами. Никто не кричит «ура». Никто не ликует. Это не праздник. Это ритуал умиротворения. Признание того, что власть теперь находится не на троне, а здесь, в зале, в лице измождённого человека в чёрном, который в очередной раз спас их всех, в то время как игрушечный король дрожал и ждал, пока кто-то примет за него решение.

Стилс не аплодирует. Он слегка наклоняет голову — сухой, почти незаметный кивок в сторону трона. Не поклон вассала. Кивок командира, отмечающего, что подразделение заняло указанную позицию. Всё идёт по плану.

Энтони, почувствовав тяжесть короны, делает робкую попытку выпрямиться. Он ищет глазами Стилса, будто ожидая его одобрения или приказа. Получает тот же бесстрастный взгляд и снова съёживается.

Леонора поднимается. Её голос, холодный и звонкий, разрезает аплодисменты:

— В честь укрепления союза Ландериза и Шаркдерии, а также ввиду особых заслуг Огненного легиона перед короной, — говорит она, и её взгляд на секунду задерживается на Стилсе, — вторую почётную партию на сегодняшнем балу после танца императора и императрицы откроют генерал Нокс и искра Вэйл. Также на бал приглашён полный состав Огненного легиона.

Это заявление вызывает новый, более оживлённый гул. Взгляды в первую очередь переключаются на меня и на Левиара, стоящего чуть поодаль. Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Не от внимания. От осознания, что я абсолютно не умею танцевать.

Воспоминания прежней Элиры на эту тему — абсолютный ноль. Как будто та девушка вычеркнула из головы всё, связанное со светской жизнью, вместе с памятью о насильственном замужестве. Удобно для беглянки, катастрофично для меня сейчас.

Я ловлю взгляд Мэйзи, стоящей рядом. Она ёрзает в своём невероятно пышном и, судя по её гримасе, неудобном платье. Её волосы, обычно растрёпанные, жёстко уложены, и она напоминает пойманную и наряженную лесную рысь.

— Я наступлю на ногу какому-нибудь важному лорду во время бала, — панически шепчу я ей, когда герцог наконец умолкает под вежливые аплодисменты, — на его золотые туфли. И меня казнят. А я не командор. За мной не прилетит Домарис, чтобы спасти. Ну или отправят мыть полы в академии.

— А я ему на ногу наступлю, он ахнет, а я скажу: «Вай-бай, ваше сиятельство, а у вас ноги-то хлипкие!» — шипит она в ответ, и её глаза сверкают диким весельем. — И тогда нас обоих отправят мыть полы. Хоть компания будет.

После церемонии, пока аристократы расходятся в предвкушении вечера, я сначала смеюсь к Левиару.

— Ну как тебе произошедшее? Я, мягко говоря, в шоке.

Левиар изгибает бровь и смотрит на меня сверху вниз.

— Для тебя стало открытием, что короновали Энтони на коронации Энтони? Так привыкла к выкрутасам Стилса, что предсказуемость — это шок?

— Ха-ха, — кривлюсь я. — Обалдеть как смешно. Я про танец. Я вообще не умею танцевать! Ты умеешь?

Левиар презрительно морщится.

— Бывший император заставил научиться. По его мнению, умение танцевать на идиотских балах для его генерала было важнее навыка читать.

— О! — Мои глаза загораются. — Научишь? Научи, пожалуйста. Это в твоих интересах, между прочим. Я не оттопчу тебе ноги.

Левиар иронично смотрит сначала на мою ногу в изящной туфельке, а потом на свою в тяжёлом военном ботинке.

— Ну да. Мои ноги определённо в опасности.

— В опасности, в опасности, не сомневайся, — киваю я. — Так что, научишь?

— Что там уметь? Слушаешь музыку и переставляешь ноги. Всё.

— М-да, учитель из тебя просто потрясающий, — фыркаю я.

— Ты переживаешь из-за ерунды, — смотрит на меня Левиар. — Я умею танцевать. Этого достаточно.

— Мне недостаточно. — Я поджимаю губы. — Не хочешь учить, не надо. Сама научусь. Левиар пожимает плечами.

— Как хочешь.

Вот же ж. Иногда эта его манера поведения просто убивает. Настоящий чурбан.

— Генерал, подойдите, — подзывает его Леонора.

Левиар, скользнув по мне очередным своим непонятным взглядом, идёт к ней.

А я оглядываюсь в поисках решения. Ничего толкового в голову не приходит, поэтому я подзываю Мэйзи, и мы с ней, как два беглых каторжника, пробираемся в один из соседних пустующих залов.

— Нам нужен план, — заявляю я, глядя на своё отражение в полированном паркете. Я выгляжу как дорогая кукла. И чувствую себя примерно так же. Снова. Как же я ненавижу это чувство. Опять беспомощность. Опять ощущение, что не принадлежишь себе. — Тем более я слышала, что на таких балах можно и в одной паре с императором оказаться.

Глаза у Мэйзи шокированно округляются.

— Вай-бай... Тогда точно — император без ног, а мы без своих изящных голов, — шепчет Мэйзи.

— Да, нам, наверное, нужен не просто план, а учитель. Или хотя бы тот, кто знает разницу между вальсом и кадрилью.

— Я знаю разницу, — говорит голос из-за двери. — Кадриль — это когда все топают, а вальс — когда все крутятся.

— Ещё один потрясающий учитель, — фыркаю я.

— Ещё один? Я единственный в своём роде.

В зал wpłyвает Килсар. Он уже сменил парадный мундир на что-то элегантно-небрежное, что идеально сидит на нём и, кажется, стоит целое состояние. За ним, как тень, следует Арзас.

— Кстати, — Килсар ухмыляется, — с вас по золотому за урок.

— Кажется, я догадываюсь, откуда у тебя деньги на все твои дорогие вещички, — складывает руки на груди Мэйзи. — Никакой ты не дракон. Ты — лис-торговец. Ещё и наглый.

— Вот и помогай после этого, — делает оскорблённое лицо Килсар. — А я же от чистого сердца...

— Ага, от чистого сердца хотел нас раздеть до нитки, — хмыкаю я.

Килсар ухмыляется и смотрит на нас с Мэйзи.

— Ну, это был бы не самый плохой исход этого вечера.

Я угрожающе прищуриваюсь, а Мэйзи и вовсе тычет кулаком под нос Килсару.

Тот поднимает ладони в успокаивающем жесте.

— Всё-всё, дамы. Понял. Был неправ. Не возьму ни денег, ни одежду. Только смените гнев на милость и позвольте просто помочь. Тем более мы слышали крики и стенания, — продолжает Килсар, шуря лукавые кошачьи глаза. — Вернее, Арзас услышал, как вы обсуждали ноги императора с крайне подозрительными интонациями, и мы решили вмешаться. Во избежание государственного переворота. Третий за последнее время — уже как-то перебор. Да и командор может обидеться, что без его участия.

— Я просто констатировал факт, — краснея, поправляет его Арзас. — Но да, базовые навыки светского танца могут предотвратить... эм... международный скандал.

— Вы умеете? — с надеждой смотрю на них.

Арзас кашляет.

— Я изучил семнадцать трактатов о придворном этикете, включая «Искусство поклона при дворе его сиятельства герцога Ламберта, издание третье, дополненное». Практически... не так много.

— А я, — Килсар грациозно прокручивается на каблуке, — просто рождён для этого. Как бабочка для полёта. Или как молния для... э-э-э... быстрого перемещения. Итак, кто с кем? Я предлагаю справедливый обмен: я спасаю даму Вэйл от позора, а Арзас... — он бросает взгляд на Мэйзи, которая смотрит на него с открытым любопытством, — попробует не быть растоптанным дамой Тион.

— Я не растопчу! — возмущается Мэйзи. — Я аккуратная! Я в деревне поросят кормила, ни разу не наступила!

— А, ну тогда мы можем быть спокойны, — невозмутимо кивает Килсар.

— В твоей аккуратности я и не сомневался. — Арзас протягивает ей руку с робкой улыбкой.

Меня в пару берёт Килсар, и я сразу же начинаю сожалеть, что мне достался этот кото-дракон.

— Не напрягайся, — бархатисто шепчет он мне на ухо. — Представь, что это бой. Только противник — не рой, а собственные ноги. Понимаю, что это для тебя куда более сложно.

Я сразу же закатываю глаза, а Килсар продолжает:

— И музыка. И общественное мнение.

— Отлично, теперь я ещё больше нервничаю. Вот спасибо большое. Ты прямо мастер успокаивать. А можно мне опять жутких генералов?

— Нет, жутких генералов раздают только после танцев. Их надо заслужить.

Килсар смеётся, и мы начинаем двигаться. Арзас на другом конце зала, как заведённый, отсчитывает:

— Раз-два-три, раз-два-три, Мэйзи, левой, нет, ПРАВОЙ, ой!

— Да ты хуже поросят, Арзас!

Судя по звукам, там идёт не танец, а весёлое хаотичное побоище.

У нас с Килсаром получается лучше. Он отличный ведущий. И правда хорош в танце.

Шутками и лёгким флиртом, который, кажется, у него в крови, Килсар заставляет меня расслабиться.

— Вот видишь, — говорит он, когда мы делаем особенно изящный поворот, — ты — природный талант. Генерал просто не ценит.

— Он... у него другие приоритеты, — бормочу я, стараясь не сбиться.

— Приоритет — это когда ты смотришь на что-то, что важнее и интереснее всего остального. Я, например, сейчас приоритетно смотрю на то, как ты стараешься не наступить мне на ноги. Это мило.

— Килсар, прекрати. — Я не могу сдерживать улыбку.

— Что «прекрати»? Делать комплименты? Но это же моя вторая натура. Первая — невероятная скорость. Хочешь, покатаемся? — И прежде чем я успеваю ответить, он резко ускоряет движение. Зал превращается в размытое пятно, ветер свистит в ушах. Это не танцевальный шаг. Это почти полёт. Я вскрикиваю от неожиданности и восторга, цепляясь за него.

— КИЛСАР! — орёт Арзас. — Это не вальс, это испытание на прочность вестибулярного аппарата!

— Расслабься, Арзас! Это же Эли. Она не боится! — посмеивается Килсар, замедляясь и возвращаясь к нормальному ритму. Я, задыхаясь от смеха и адреналина, хватаюсь за его плечо.

— Это было... неожиданно.

— Зато весело, да? Иногда полезно что-то делать просто так. Ради удовольствия. Чтоб расслабиться. Уверен, с Ноксом так не потанцуешь. Там сплошное напряжение и сухость. А тебе, радость моя, нужно немного проветрить свою головушку. Как и всем нам.

Мы снова кружимся, уже медленнее. Арзас и Мэйзи, кажется, нашли какой-то свой, уникальный стиль, который включает в себя много топтания, извинений и хохота Мэйзи.

— Спасибо, — говорю я Килсару тихо. — Я правда начинаю чувствовать себя менее... деревянной.

— Всегда рад помочь. — Он улыбается, и в его зелёных глазах нет привычной насмешки. Есть что-то тёплое, товарищеское. — Просто помни на балу: если что, делай вид, что это Левиар наступил тебе на ногу. Его репутации уж точно ничего не повредит.

Я хихикаю.

— Килс, ты просто нечто...

Дверь в зал с грохотом распаивается.

Левиар. Он стоит на пороге, дыша как загнанный зверь.

Янтарные зрачки сузились в драконьи щели. Он смотрит на руку Килсара у меня на талии. Просто смотрит. Но воздух в зале вдруг становится тяжелее, гуще.

— Левиар? — Мой голос звучит неуверенно.

Килсар не убирает руку. Его улыбка, только что тёплая, становится чуть острее, привычно-провокационной.

— Нокс! Присоединяйся! Элира уже почти готова покорить столицу. Хотя, судя по твоему виду, тебя больше волнует очередное убийство.

— Руку убрал! — Голос Левиара — низкий, хриплый рык. По его рукам и шее побежали зелёные и алые прожилки, загораясь изнутри.

— Левиар, это просто танец! — пытаюсь я вырваться, но Килсар слегка придерживает меня.

— Слышишь, Нокс? Просто танец. Не поднимай шум из-за ерунды. Или ревнуешь? Я же всего лишь...

Он не успевает закончить.

Левиар срывается с места. Не бежит. Он исчезает и появляется в метре от нас, его кулак уже летит в сторону Килсара со скоростью, от которой захватывает дух.

Но Килсар — молния. Он не отпрыгивает. Он делает невозможное — резко уворачивается от удара не назад, а вбок с такой скоростью, что на миг превращается в размытый силуэт. Удар Левиара проходит впустую.

— Ой-ой, серьёзно настроен! — усмехается Килсар, но в его голосе нет и тени страха. Есть азарт. Вызов. — Давай, покажи, на что способен дракон бездны в гневе! Помнится, мы такое уже проходили. Раунд два?

— Килсар! Заткнись, идиот! — выкрикиваю я, но уже поздно.

Лицо Левиара искажается чистой, неконтролируемой яростью. Бездна, всегда бурлящая под поверхностью, прорывается наружу. Он даже не целится. Он просто выбрасывает руку вперёд, в пространство перед Килсаром, и...

Воздух рвётся.

С треском и воем, будто рвут металл. Нестабильный, дрожащий портал размером с дверь вспыхивает прямо перед Килсаром. Алые и чёрные молнии лижут его края. Из глубины несёт ледяным ветром и запахом тления.

Килсар, только что вновь ускорившийся и несущийся по инерции, оказывается лицом к лицу с растущей дырой в пространстве. Его глаза расширяются. Остановиться невозможно.

И тогда он делает единственное, что может. Он ускоряется ещё больше.

Не чтобы отпрыгнуть. Чтобы проскочить.

— КИЛСАР! — кричим мы все хором.

Его тело превращается в смазанную молнию. Он ныряет вперёд, в самый центр портала, который уже начал его затягивать. На долю секунды его силуэт растворяется в багровой тьме, и я чувствую, как у меня останавливается сердце.

Но он вылетает с другой стороны. Вернее, вываливается. Падает на паркет, кувыркаясь, и замирает на спине, тяжело дыша.

Портал резко схлопывается.

Тишина, разбитая только нашим тяжёлым дыханием.

Я первая прихожу в себя и бросаюсь к Килсару. Он лежит, глаза закрыты. На его лице, на руках, где открыта кожа, — странные тонкие, будто следы от статического электричества, красные линии. Как будто энергия портала слегка коснулась его.

— Килсар! — Я хватаю его за руку.

Он приоткрывает глаза и с трудом приподнимается на локте.

— Фух... — выдыхает он. — Это... это было что-то... Похлеще, чем вальс, скажу я вам. — Он садится, потирая виски. Красные линии на коже уже бледнеют, исчезая. — Чувствую себя слегка... поджаренным. Изнутри. Но в целом все детали на месте. — Он смотрит на Левиара, который стоит как вкопанный, уставившись на свои руки. — Надо отдать тебе должное, генерал. Ты умеешь сделать вечер незабываемым.

Левиар не слышит его. Он смотрит на свои ладони, на которых ещё пульсируют светящиеся прожилки. Потом на Килсара. На краснеющие, но уже заживающие отметины. В его глазах — не ярость. Ужас. Глубокий, всепоглощающий ужас от того, что он сделал. От того, что его сила, его бездна вырвалась и едва не поглотила пусть не друга, но союзника.

— Я... — Его голос срывается. Он качает головой, отступает на шаг. — Я не... я не могу... я снова чуть не убил...

Он резко разворачивается и почти выбегает из зала, хлопнув дверью так, что с потолка сыплется пыль.

Мы остаёмся вчетвером. Мэйзи, открыв рот, смотрит на захлопнувшуюся дверь. Арзас бледен как полотно.

— Ну что ж, — наконец говорит Килсар, с трудом поднимаясь на ноги и отряхиваясь. — Урок номер один: никогда не флиртовать с партнёршей Левиара Нокса в радиусе его видимости. Урок номер два, более важный: наш генерал... у него серьёзные проблемы с управлением гневом. И с силой.

— Урок номер три, — я поджимаю губы, — уметь вовремя заткнуться. Да, Килсар?

Я смотрю на дверь, за которой скрылся Левиар. Внутри — холодная тяжесть. Килсар шутит, но он прав. Это не ревность. Это сбой. Опасный, непредсказуемый сбой в самом опасном оружии Ландериза.

И это оружие должно пойти со мной в самое пекло.

Весёлое настроение окончательно развеялось, оставив после себя горький привкус страха и осознания: наш самый сильный козырь может разорвать нас изнутри ещё до того, как мы столкнёмся с настоящим врагом.

Глава 7

Достойный правитель

Элира

Я, конечно, ожидала, что первый бал после коронации будет чем-то невероятным, но всё же размах даже близко представить не смогла.

Слова не могут передать масштаб. Когда мы всем легионом вошли, то будто бы попали не в зал, а в позолоченную пещеру под небом из хрустальных люстр, каждая из которых — слепящий водопад из тысячи свечей. Воздух густой от духов, воска и скрытой тревоги, приправленной показной радостью. Шёлк и бархат шелестят, бриллианты горят холодным огнём на шеях и в причёсках. Красота и роскошь, призванные показать: империя жива, империя сильна, империя танцует даже на краю пропасти.

Мы, легион, выглядим чужеродным телом в этом море вычурности. Даже в парадных мундирах и навязанных нам пышных платьях. Мы — сталь, вставленная в бархат. Мы приехали защищать и воевать, а не изгибаться в светских поклонах. Наши улыбки напряжены, а глаза ищут не выгодную партию, а углы, выходы, потенциальные угрозы.

Но мы обязаны присутствовать на этом празднике. Хоть и чувствуем себя чужими здесь.

Вечер, само собой, начинается с него — Энтони Варгоса, нового императора Ландериза.

Он выходит в центр под торжественные фанфары, опираясь на руку Леоноры. На нём невероятно дорогие одежды, но они на нём висят, как на пугале. Его лицо лоснится от пота и, судя по шаткой походке и стеклянному взгляду, от большого количества выпитого «для храбрости». Он — уродливая карикатура на правителя.

— Открывает бал император Ландериза Энтони Варгос со своей супругой Леонорой Армор, — торжественно объявляет церемониймейстер, — как символ союза, стабильности и новой эры для нашей империи.

Энтони останавливается, раздражённо машет рукой музыкантам. Оркестр смолкает в неуверенности.

— Другую музыку! — командует он, и его голос срывается на визг. — Весёлую! Чтобы ноги сами в пляс просились! Это праздник, демоны вас дери! Для всех вас! Наконец-то вы узнаете, что значит настоящий император!

Леонора стоит рядом, её лицо — ледяная маска. Но я вижу, как её пальцы, лежащие на его рукаве, впиваются в ткань.

— Ваше величество, — её голос кажется оглушительным в наступившей тишине, — первый танец — традиционно менуэт. Это...

— Мне плевать на традиции! — перебивает он, практически отталкивая её. Так сильно, что она чуть не теряет равновесие. В зале ахают. — Я император! Поняли вы?! Я решаю, что танцевать! И с кем! — Его взгляд, мутный и наглый, скользит по толпе и останавливается на... на мне. Нет, не на мне. На Левиаре, стоящем рядом. И в его глазах вспыхивает мелкое, злобное желание уязвить. — А может, я с кем-нибудь другим начну? С той самой редкой искрой, что обуздала дракона бездны? Интересная партия! Что скажешь, Леонора?! Тебе же плевать на меня! Тошнит? Так я теперь могу избранницу самого Нокса себе забрать!

Мгновение, последовавшее за словами Энтони, густое и тяжёлое, как удар в живот. Воздух, только что наполненный музыкой и шёпотом, высасывается из зала. Всё замирает. Кажется, даже свечи в люстрах перестают мерцать.

Взгляд Энтони, мутный и липкий, как грязное масло, ползёт по мне. Он не видит человека. Он видит трофей. Редкую диковинку, которую можно отнять у более сильного соперника, чтобы потешить своё ущемлённое эго.

— Подойди сюда, девочка! — Его визгливый голос режет тишину. Он делает шаг вперёд, пошатываясь. Его рука, влажная и пухлая, тянется в мою сторону. — Покажи всем, как ты умеешь с драконами танцевать. Может, и со мной справишься?

Острое физическое отвращение подкатывает к горлу. Это не просто пьяная выходка. Это наглая, садистская игра на глазах у всего двора. Унизить Левиара. Унизить меня. Показать, кто здесь теперь главный, по его жалкому мнению.

Я чувствую, как рядом со мной Левиар замирает. Температура вокруг него резко поднимается на несколько градусов. Его рука, лежавшая расслабленно вдоль тела, медленно сжимается в кулак. Я не вижу его лица, но кожей ощущаю волну чёрной кипящей ярости, которая вот-вот вырвется наружу. И это уже не ревность, как с Килсаром, а смертельная угроза. Если Энтони сделает ещё шаг...

— Ваше величество, — голос Леоноры звучит ледяными осколками, она делает шаг, чтобы встать между ним и мной, её лицо блее мрамора, — вы забываетесь. Это не к лицу императору. Элира Вэйл не...

— ОТСТАНЬ! — Энтони внезапно взрывается. Он не просто отталкивает её. Он размахивается и бьёт её по лицу тыльной стороной ладони. Резкий, звонкий шлепок разносится по залу громче любого оркестра.

Леонора отшатывается, её рука взлетает к щеке. В её глазах — не боль. Глубокое, всепоглощающее унижение. И ярость. Ярость, от которой, кажется, мог бы загореться лёд.

В зале раздаётся коллективный вздох. Даже самые циничные аристократы шокированы.

А Энтони, удовлетворённый произведённым эффектом, ухмыляется, обводя взглядом потрясённую толпу. Его взгляд снова находит меня.

— Видишь? Вот кто здесь решает. Иди сюда. Сейчас же!!!

Это уже не просьба, а приказ пьяного тирана, уверенного в своей безнаказанности.

И в этот момент из толпы спокойно и без суеты выходит он.

Оберон Стилс.

Он не пробивается через неё — толпа просто расступается перед ним, как вода перед скалой. Он подходит к императорской паре. Его чёрный китель — единственное тёмное пятно в этом море цвета. Он не кланяется, а просто останавливается в двух шагах, и его присутствие гасит истерику Энтони как ведро ледяной воды.

— Ваше величество, — голос Стилса звучит ровно, почтительно, но в нём — тот обжигающий холод, от которого мурашки по коже, — Ландериз пережил тяжёлые времена. Народ, аристократия, весь мир смотрят на этот бал не как на развлечение, а как на символ. Символ возвращения порядка. Силы. Достоинства. — Он делает небольшую паузу, давая словам впитаться. — Это праздник. И вы правы — Ландериз достоин видеть в этот вечер самого лучшего императора. Того, кто соответствует высоте положения. Во всём. Чтобы никто из народа Ландериза не разочаровался.

Энтони медленно сглатывает, но всё же пытается изобразить какое-то идиотское самодовольство.

— Чего, Стилс? Да как ты смеешь мне указывать...

— Я напоминаю, — перебивает Стилс, делая едва заметный шаг вперёд. Он не приближается угрожающе. Он просто сокращает дистанцию до той, на которой его тихий голос становится слышен только императору... и мне, стоящей неподалёку. Его губы почти не шевелятся.

— Твой старший брат, Карл, был фигурой куда более внушительной. И он тоже в один момент обнаружил, что земля уходит из-под ног. В прямом и переносном смысле. — Стилс на секунду замолкает. Его синие глаза, холодные и ясные, неотрывно смотрят в стеклянные глаза Энтони. — Как ты думаешь, сколько продержишься ты, если хоть что-то в твоих действиях перестанет меня устраивать? В тронном зале? На этом балу? В обращении с теми, за кого я несу ответственность? Особенно последнее. Учти, я никогда и никому не прощаю жестокого обращения с теми, кто важен мне.

Император отшатывается, как от укуса змеи. Его лицо совершает головокружительное путешествие от злости к замешательству, а затем к чистейшему, животному страху. Пьяный туман в его глазах рассеивается. Он бледнеет. Пот выступает на его лбу крупными каплями. Он смотрит на Стилса, как кролик на удава.

— Я... я просто... — бормочет он, отступая на шаг.

— Вы устали, ваше величество, — громко, на весь зал, произносит Стилс, и его голос снова звучит почтительно. — Церемония, волнение. Всё понятно. Вам нужен отдых.

— Д-да... Я... мне плохо, — выдавливая он хрипло и, не глядя ни на кого, резко разворачивается. — Голова... проклятое вино... Я должен... прилечь...

Он позволяет увести себя, бросив последний, полный паники взгляд на Стилса. Энтони не просто испуган. Он сломлен. За несколько секунд ему напомнили, кто здесь настоящая власть. И что трон под ним — очень шаткий.

В зале повисает гробовая, неловкая тишина. Император публично опозорился, ударил императрицу и был выведен под руку, как непослушный ребёнок. Леонора стоит одна в центре паркета, её щека краснеет от удара, но голова поднята высоко.

Унижение и ярость борются в её глазах с облегчением от того, что этот фарс закончился. И тогда Стилс делает шаг вперёд. Не к трону. К ней.

Он останавливается перед ней, выпрямившись во весь свой высокий рост. Его синие глаза смотрят прямо на неё. В них нет ни жалости, ни флирта. Зато есть уважение.

— Императрица, — его голос звучит теперь на весь зал, ясно и властно, — если его величеству нездоровится, честь открыть бал выпадает вам. И, если позволите, я буду счастлив разделить её с вами.

Стилс протягивает руку. Не как подданный, а как равный.

Леонора замирает. На секунду её ледяная маска тает, обнажая целую бурю эмоций — шок, благодарность, восхищение и что-то глубокое, личное, отчего у меня самого ёкает сердце.

— Буду... очень признательна, командор. — Её голос чуть дрожит, но звучит гордо.

Леонора медленно, почти неверяще кладёт свою тонкую, затянутую в белую перчатку руку на его ладонь.

Музыканты, замершие в нерешительности, видя этот жест, берут первые, срывающиеся аккорды менуэта.

И они начинают танцевать.

С первых же движений я ставлю крест на своих навыках. Это не танец. Это — явление.

Командор ведёт с той же непоколебимой уверенностью, с которой ведёт легион в атаку. Его движения — экономящие, точные, лишённые суеты, но исполненные скрытой силы и грации. Леонора, всегда такая холодная и расчётливая, в его руках будто оживает. Она не просто следует — она парит. Её осанка, её повороты головы, каждый жест — это не просто соблюдение правил. Это поэзия. И в её глазах, которые она не отрывает от его лица, — бездонное восхищение.

В прошлой моей жизни сказали бы коротко и емко: Леонора «поплыла».

Полностью и безвозвратно.

Зал замер. Все аристократы, все придворные, все мы — просто зрители. Мы наблюдаем за тем, как танцуют не император и его жена — танцуют настоящие правители. Тот, у кого сила, и та, у кого воля и умение ею пользоваться. Это зрелище завораживающее и... пугающее.

Я оглядываюсь на наших.

Мэйзи стоит разинув рот, её глаза размером с блюда.

— Вай-бай... — шепчет она. — Да он... он же просто... огонь!

Айрис наблюдает с лёгкой, почти незаметной улыбкой аристократки, оценивающей идеальный шедевр искусства.

Арзас качает головой, бормоча что-то вроде: «Социополитическая демонстрация высшего уровня... исключительно эффективно...»

Килсар прислонился к колонне, скрестив руки. На его лице — привычная насмешливая ухмылка, но в глазах — откровенное одобрение.

— Вот это поступок, — тихо говорит он. — Без единого удара поставил на место и пьяного дурака, и всю эту толпу. И завоевал сердце самой красивой и опасной женщины двух стран. Талант. Смотри и учись, генерал, — тихо цедит Килсар в нашу сторону, явно обращаясь к Левиару, — иногда дипломатия и один правильный танец стоят армии.

Левиар лишь сильнее хмурится и ревниво сжимает мою руку.

Капитан Крэйг, как всегда стоящий чуть в тени, тоже не сводит глаз со Стилса. Но в его взгляде нет восхищения. Там — лихорадочная, почти болезненная бдительность. И глубокая, невысказанная тревога. Он видит не правителя. Он видит своего командира в центре внимания, на виду у всех врагов. И, судя по напряжённо поджатым губам, ему это очень не нравится.

Танец заканчивается. Последний аккорд. Стилс склоняет голову в изящном поклоне. Леонора делает реверанс, и её щёки покрывает лёгкий, невероятно красивый румянец. Зал взрывается аплодисментами — на этот раз искренними, полными облегчения и признания.

Леонора на мгновение дольше, чем следует, задерживает свою руку на плече командора, но едва убирает её, как Стилс тут же отступает на шаг, растворяясь в толпе так же незаметно, как и появился, оставляя Леонору в центре внимания. Теперь сияющую и уверенную.

— Ну что, — оборачивается ко мне Килсар с привычными чертиками в глазах, — ваша очередь, чета Нокс. Кто-то же должен задавать низкую планку. Так что давай. Не старайся как следует.

— Пошёл ты, — фыркаю я, но пропускаю смешок.

— Иди-иди, — машет ладонью Килсар. — Пока наш уважаемый генерал Нокс снова не начал веселье с разрывами в пространстве. Хотя уверен, тогда этот бал действительно станет легендарным.

Левиар бросает на него убийственный взгляд, но Килсар лишь беззаботно ухмыляется.

Так... Теперь танец с Левиаром...

Проклятье, почему это пугает даже больше, чем битва с роем?

Глава 8

Крушение

Элира

Я украдкой бросаю взгляд на Левиара, пытаюсь понять, о чём он сейчас думает. Но без задействования резонанса ничего не разберёшь. Его лицо, как всегда, выражает нечто среднее между желанием всех убить и желанием, чтобы его просто оставили в покое.

Но когда его рука находит мою, всё меняется. Его пальцы не просто не холодны и не властны. Они осторожны. Будто я не обычная девушка, а хрупчайшее стекло, которое он боится расколоть собственным прикосновением. Он ведёт меня в центр зала с таким уверенным видом, будто кроме нас в зале больше никого нет.

И... его уверенность передаётся и мне. У меня внутри будто что-то щёлкает.

Я поднимаю глаза и осознаю: передо мной сейчас не дракон бездны и не пугающий генерал Нокс.

Передо мной... мой Левиар. И мы с ним сейчас будем танцевать.

Музыка начинается — тот самый менуэт, от которого отказался Энтони. Левиар кладёт руку мне на талию — твёрдо, но без давления. Это не захват. Это утверждение и успокоение: «Ты здесь. Ты со мной. Всё правильно».

И когда наши взгляды встречаются, я не вижу ни пустоты, ни ярости. Я вижу сосредоточенность. Глубокую, почти священную. Янтарные глаза не смотрят поверх меня. Они видят только меня. Каждый мой вздох, каждый нервный тик в уголке губ от напряжения. В них горит тот же огонь, что и в бою, только теперь он направлен не на уничтожение, а на... на ведение.

Первый шаг. Он делает его не резко, а с непривычной, потрясающей плавностью. Его тело, всегда готовое к взрывному движению, теперь движется как вода — мощно, неумолимо, но без единого лишнего усилия. Я следую. Нет, я не следую. Я позволяю вести. И это не пассивность. Это абсолютное доверие.

В голове возникают его слова по поводу нашего танца: «Ты переживаешь из-за ерунды. Я умею танцевать. Этого достаточно».

Тогда я на него разозлилась, но теперь понимаю — это была чистая правда и просьба довериться ему хотя бы в таком простом действии. Но я не смогла.

Мы кружимся. Его движения больше не манёвр. Это язык. Каждый поворот, каждый наклон его головы говорит то, чего он никогда не произнесёт вслух.

Этот шаг в сторону — «Я здесь, чтобы прикрыть тебя от любой опасности».

Лёгкое усилие руки, направляющее мой разворот, — «Я направлю тебя куда нужно».

Его тело, всегда находящееся между мной и остальным залом даже в танце, — «Я твой щит от всех опасностей».

В его сосредоточенности нет напряжения. Есть... мир. Краткий, хрупкий, украденный у вселенной миг, где есть только он, я и музыка. Никто другой не существует. Ни толпа, ни рой, ни призрак Карла Варгоса. Только ритм наших сердец, сливающийся в один такт.

— Не смотри под ноги, — его голос звучит прямо у уха, низкий, почти шёпот, но я чувствую его вибрацию каждой клеткой, — смотри на меня. Доверься.

Я поднимаю взгляд. И тону. Тону в этой янтарной глубине, где нет места ничему, кроме безусловной, всепоглощающей преданности. В ней нет страсти Килсара. Нет расчётливого обаяния Стилса. Есть что-то более древнее и прочное.

Факт.

Я — его. Он — мой. И этот танец — просто ещё одно доказательство, прочерченное на паркете для всех, кто осмелится усомниться.

Наши тела движутся в идеальной синхронности. Мои страхи, моя неуверенность растворяются в уверенности его рук. Он чувствует малейшее моё напряжение, каждый намёк на сбой в ритме, и мягко, почти незаметно корректирует его. Не поправляет. Защищает. От моего же стеснения, от чужих глаз.

И в этом странном, лишённом улыбок танце есть красота, от которой сжимается горло. Это красота отточенного клинка. Красота сдвинутых в едином порыве крыльев. Красота абсолютного понимания без единого слова.

Музыка подходит к концу. Последний протяжный аккорд. Левиар завершает движение, оставляя меня в глубоком поклоне, сам застывает рядом, выпрямившись в струнку. Его рука всё ещё держит мою. Не сжимает. Держит.

Тишина. А потом — взрыв аплодисментов. На этот раз не робких, а искренних, потрясённых. Они увидели не просто танец. Они увидели симбиоз. Живую легенду в движении. Монстра и его укротительницу, слившихся в одном дыхании.

Левиар не смотрит на зал. Он смотрит на меня. И в уголках его глаз, в самой глубине этого сосредоточенного взгляда, я улавливаю искру. Маленькую, едва заметную. Не улыбку. Удовлетворение. Чистейшее, глубинное удовлетворение от того, что всё сделано правильно. Что он смог провести меня через этот ритуал, не дал упасть, не дал опозориться. Смог защитить даже здесь, на гладком паркете.

Он слегка, почти неуловимо, наклоняет голову. Не поклон. Кивок.

«Видишь? Мне можно доверять во всём».

И в этот миг, когда моё сердце готово выпрыгнуть из груди не от страха, а от чего-то тёплого и огромного, грянувший гром оглушает зал.

Точнее, нет... Это не гром. Это гул. Пугающий и пробирающий до дрожи.

Хрусталь на люстрах дребезжит тонким звенящим хором. Со столов падают бокалы, разбиваясь о паркет.

Все замирают. Музыка умолкает.

Стилс, только что растворившийся в толпе, появляется у одного из высоких окон. Он откидывает тяжёлую штору.

— Что это? Что происходит?! — срывается у кого-то крик.

Второй удар. Сильнее. Ближе. Кажется, содрогнулись стены дворца.

А потом доносится крик. Не из зала. Снаружи. Далёкий, множественный, нарастающий вопль ужаса.

— Кровавый рой, — чеканит Стилс.

Он обменивается взглядом с Крэйгом, который уже рядом, клинки в руках.

— Легион, ко мне! — Голос Стилса режет панику, как нож масло. — Это прорыв. Нужно выяснить, куда направ...

— Командор, — в зал вбегает один из драконов охраны, — сообщение с маяка! Сигнал бедствия! Кровавый рой ударил по Академии Хантстил!

Ледяная волна прокатывается по моему позвоночнику. Академия. Наш дом. Наша крепость, где остались только инструкторы, кадеты, раненые и... Хилз, наша наставница.

Я вижу, как у Арзаса перехватывает дыхание. У Айрис лицо становится восковым. У Мэйзи губы дрожат, и она судорожно сжимает кулаки, будто уже готова бежать.

— Там же... сейчас и легиона-то нет, — хрипит Килсар, и вся его лёгкость испаряется. — Только новички и студенты, не относящиеся к легиону...

Стилс уже движется к выходу, его чёрный китель развевается.

— Рэмси, на разведку! Остальные — ко мне! В воздух через три минуты! Гвардейцы — организовать на всякий случай оборону гор...

Последние слова командора тонут в новом, чудовищном гуле.

И с ним приходит свет.

Через высокие витражи мы видим это: на горизонте, там, где должны быть знакомые очертания башен нашей академии, полыхает зарево.

Не обычное, оранжевое от пожаров.

Алое.

Яркое, пульсирующее, как огромное бьющееся сердце из крови и пламени. Оно заливают ночное небо багровым светом.

Оттуда, из самого сердца этого кошмарного зарева, взмывает в небо столб дыма и искр. И на мгновение во вспышках адского света угадываются знакомые, родные контуры — главная башня библиотеки, крыло общежитий, шпиль тренировочного зала.

А потом происходит окончательный, сокрушительный удар.

Звук, от которого закладывает уши. Не взрыв. Это звук разламывающейся горы, ломающихся древних камней, рвущихся защитных рун.

И шпиль главной башни, тот самый, под которым мы тысячу раз строились на поверку, — наклоняется. Медленно, неумолимо, как падающее дерево.

И обрушивается, исчезая в багровом зареве и клубах чёрного дыма.

Академии Хантстил больше... нет.

В зале воцаряется абсолютная, леденящая тишина. Нет даже паники. Все просто замирают, сражённые масштабом увиденного.

Я не чувствую ног. Не чувствую руки Левиара, которая снова сжимает моё запястье до боли. Во рту вкус пепла и крови.

Наш дом. Наша крепость. Наше прошлое и будущее.

Оно горит. И горит цветом роя.

Глава 9

Надлом

Элира

А потом раздаётся короткий надломленный звук.

И я не сразу осознаю, что его источник — я сама.

Я не закричала. Я будто выдавила из себя весь воздух. Рука сама потянулась к горлу, будто пытаюсь протолкнуть туда ледяной ком, что вырос в груди. Академия. Не просто здание. Это Хилз, учившая меня не паниковать. Это библиотека, где Арзас проводил ночи. Это спальни, где Мэйзи рассказывала нам о своём идеале мужчины, а мы хохотали. Это наши классы, наши стены, наш последний оплот. И самое главное — там кадеты. Дети, которые ещё не встречались с роем и которых в большинстве своём, как и нас всех, отправили в Хантстил от безысходности или ненужности.

Ярость. Чистая, белая, ослепляющая ярость поднялась во мне волной. Не страх. Не ужас. Ярость. Безумная и всепоглощающая.

Мои пальцы впились в складки платья. Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки — не от страха, а от адреналина. Нужно было двигаться. Сейчас. Туда. Рвать, жечь, уничтожать. Я сделала резкий шаг вперёд.

Но сильная тёплая рука обхватила моё запястье. Левиар. Он не держал. Он просто был там. Его большой палец провёл по моей вздрагивающей руке — один раз, медленно, удерживая меня на месте не силой, а самым фактом своего прикосновения. Он стоял рядом. Его взгляд, секунду назад такой ясный и сосредоточенный, теперь буквально сканировал моё лицо. Он видел эту ярость. И в его глазах не было осуждения, а только понимание.

Наверняка именно такие чувства он испытывал, когда им завладела бездна.

— Элира, — тихо зовёт Левиар, — дыши. Ты не одна. Ты не там. Ты здесь. Я рядом.

На мгновение зажмурившись, я заставляю себя перевести взгляд на Стилса.

Командор застыл у окна спиной ко всему залу. Казалось, сейчас весь мир для него перестал существовать.

Его всегда твёрдый, уверенный профиль сейчас был будто вырезан из бледного камня на фоне этого кровавого света.

Он не двигался. Не отдавал приказов. Он просто смотрел перед собой. В его осанке не осталось и тени привычной выправки. А только какая-то... опустошённая прямота. Как у дерева, с которого содрали всю кору, но которое пока ещё не упало.

И это — страшнее любой истерики.

Стилс смотрел на гибель не просто базы. Он смотрел на гибель своего детища. Дела всей своей жизни. Места, которое он буквально отвоевал у императора и превратил в единственный настоящий щит Ландериза. Академия Хантстил — это не просто камни или стены. Она стала

воплощением его воли, его жизни и веры. Веры в то, что порядок, дисциплина и жертва могут сдерживать хаос.

И это отняли у него. Знали, что отнимают. Карл Варгос бил не по Ландеризу. Он бил по нему лично, целясь в самое сердце.

И в этот момент, глядя на командора, я впервые в жизни засомневалась: а справится ли он?

Я вдруг увидела не идеального несокрушимого лидера, а... человека. Очень уставшего человека, который идёт вперёд, потому что больше некому.

В зале начинается паника. Кто-то плачет, кто-то молится. Но мы, легион, стоим, прикованные к этой неподвижной фигуре в чёрном. Наши глаза обращены к ней, как стрелки компаса к полюсу.

И я невольно чувствую, что мы все с ужасом ждём. Ждём, что он сломается.

Весь легион замирает, как замирают перед снежной лавиной, которая вот-вот погребёт всех заживо и от которой уже не сбежать.

Но ломается Крэйг.

Капитан стоит в двух шагах от Стилса, как всегда. Но его обычная каменная непроницаемость даёт трещину.

Его лицо искажается не гневом, а ужасом. Не за академию. Не за город. Он смотрит на Стилса с таким выражением, будто видит тот удар, от которого командор уже никогда не оправится.

Пальцы Крэйга бешено сжимаются и разжимаются у рукоятей клинков, будто он ищет, во что вонзить их, чтобы остановить эту пытку. Он напуган. Напуган до глубины души. Словно узрел какую-то точку невозврата. Невидимый приговор.

— Оберон, — сдавленно зовёт он. — Ты...

И тогда Стилс шевелится.

Он медленно, будто преодолевая вес всего мира, поворачивается от окна.

Его лицо выглядит пустым. Абсолютно. Ни ярости, ни боли, ни отчаяния. Только холодное, мёртвое ничто. Но в его синих глазах, которые сначала встречаются со взглядом Крэйга, а потом обводят наш строй, бушует настоящая буря, пугающая сейчас гораздо больше бездны Левиара. Вина, боль и отчаянный расчёт.

— Килсар, Арзас, возьмите взвод и всех искр. — Когда он начинает говорить, его голос звучит непривычно низко и хрипло, лишённый обычной отточенности. Но всё же сила из его приказов никуда не исчезла. — Летите к академии. Не вступайте в сражение. Ваша задача — коридор для эвакуации. Вытягивайте оттуда всех, кто ещё дышит. Любой ценой. Назначаю главным по операции Арзаса. Поняли?

Арзас вздрагивает.

— М-меня?

Стилс коротко кивает.

— Да. Выполнять.

— Так точно! — Голос Арзаса дрожит, но он выпрямляется.

Килсар лишь резко кивает, его лицо становится маской боевой сосредоточенности.

— Вэйлон, — Стилс переводит взгляд на капитана, — координация с городской стражей. Приоритет — оборона кварталов у западной стены. Рой может попробовать развить успех. Не допустите паники. И организуйте приём раненых, если такие будут.

Крэйг бросает на него сосредоточенный, всё ещё полный опасений взгляд. Заметно, что сейчас больше всего на свете он не хочет отходить от Стилса. Но солдатская выучка берёт верх.

— Понял, — отзывается он. — Сделаю.

А потом Стилс неожиданно оборачивается к Леоноре.

Она всё это время тоже напряжённо переводила взгляд с окна на Стилса.

— Леонора, ваше величество, — его голос смягчается на полтона, но, кажется, только для того, чтобы соблюсти хоть подобие субординации, потому что далее последовал практически такой же приказ, как и нам, — нам надо поговорить. Наедине. Сейчас же.

Леонора вздрагивает, но её ледяная маска остаётся на месте. Она лишь коротко, по-деловому кивает.

— Конечно, командор. Мой кабинет. — Она делает шаг, давая понять, что ведёт.

Стилс идёт за ней, но перед выходом окидывает нас последним взглядом. Свой легион.

— Остальные... выполняйте приказ. Держите строй. Легион не пал, пока жив хотя бы один.

Он отворачивается и делает шаг к двери.

— Оберон, — снова зовёт его Крэйг. — Нам надо поговорить. Пока ты не...

Стилс устало бросает:

— Позже, Вэйлон.

Крэйг внезапно срывается и, кажется, одним порывистым движением оказывается рядом с ним.

— Нет! Мать твою, сейчас! Пока не стало слишком поздно и ты не натворил всякого дерьма!

Он протягивает к Стилсу руку, будто в порыве схватить его за плечо и хорошенько трянуть, но в последний момент останавливается и просто сжимает ладонь в кулак.

Стилс смотрит на него и слабо, в чём-то даже обречённо улыбается.

— Уже.

После чего просто разворачивается и уходит, оставив в воздухе вопрос: «Уже что? Поздно? Или он уже натворил?»

Глава 10

Нет полумер

Леонора

Мой новый кабинет.

Точнее, формально это должен быть кабинет нового императора, но скорее свиньи научатся летать, чем Энтони займётся чем-то, кроме выпивки.

Тишина в кабинете густая, как смола, заглушающая отдалённые вопли из зала.

Я стою у камина, спина прямая, пальцы сцеплены перед собой так, что костяшки побелели. Я жду.

Жду его.

Дверь открывается без стука.

И входит Оберон Стилс.

Как всегда спокойно, уверенно и неотвратимо, как сила природы, сжатая в рамки человеческого тела.

Он закрывает дверь, и щелчок замка отдаётся в тишине громче любого приговора.

Я поворачиваюсь к нему и вижу то же выражение, что было у окна. Каменное. Пустое. Но сейчас в синих глазах бушует огонь. Не слепой ярости, а гораздо хуже — холодного, расчётливого безумия.

Взгляд стратега, который только что увидел, как сгорает его главная карта, и теперь пересчитывает оставшиеся, какими бы кровавыми они ни были.

Моё сердце сжимается. Часть меня — слабая и давно потерянная — кричит от боли за него. Хочет подойти, коснуться его плеча, сказать что-то... что-то бессмысленное и утешительное. Даже прижаться к нему, насколько бы жалко это ни выглядело.

Но другая часть — правительница, знающая цену власти и жизни, — застывает в ледяном ужасе. Сейчас я вижу не человека, а стихийное бедствие, самое сокрушительное для империи. И я не могу предсказать, кого оно уничтожит на пути. Рой? Карла Варгоса? Или нас всех?

— Оберон, — начинаю я, не дожидаясь, пока он заговорит. Но мой голос звучит тише, чем я хотела. — Мы...

Дверь с грохотом распаивается, и вваливается Энтони. В нос резко ударяет тошнотворный запах алкоголя, табака и приторных духов его наложниц.

Он пьян вдрызг. Даже ещё хуже, чем был на приёме.

Шатается, опираясь на косяк. Его пухлое лицо покраснелось, глаза мутные, полные мелкой, ущемлённой злобы.

Его карие поросычьи глазки перебегают от меня к Стилсу.

— Ага! — сипит Энтони, и его проспиртованное дыхание обдаёт нас с головы до ног. — А вот и наша «парочка». Один на один! Удобно! Обсуждаете, как дальше страной правильно управлять? Или, может, уже и без слов всё понятно? — Его взгляд, липкий и гнусный, снова и снова ползает по мне, потом по Стилсу. — Леонора, милая, ну что же ты? Меня к себе ни разу за столько лет не позвала, а этому... этому психопату с чёрными руками...

Энтони делает шаг вперёд. Ненависть, острая и ядовитая, поднимается у меня в горле. После сегодняшней пощёчины я бы с удовольствием вонзила в его глотку шпильку для волос и несколько раз провернула. Но я императрица. Я должна терпеть. Должна... Пока что...

— Ваше величество, — голос Стилса звучит негромко, но в нём та же сталь, что резала воздух в тронном зале, только теперь в ней нет даже намёка на почтительность — это голос человека, у которого кончилось терпение, навсегда, — вы не там, где должны быть. Ваше место в покоях. Или в лазарете, чтобы вам промыли желудок.

Энтони вздрагивает, но пьяная наглость перевешивает.

Он тычет в Стилса пухлым трясущимся пальцем.

— Ты! Ты мне не указ! Я император! Я вижу, как ты на мою жену смотришь! Как она на тебя! Что? Завалил её? Или, может, хочешь отыметь прямо в тронном...

— Заткнулся, сейчас же. — Стилс не повышает голос. Он его опускает. До такого ледяного, смертельного шёпота, от которого по коже бегут мурашки даже у меня. Он делает один шаг навстречу Энтони. Всего один. Но этого хватает. — У меня нет на этот бред времени. Ты — жалкая, дрожащая мартышка на троне, который тебе не по размеру. Единственная твоя функция сейчас — не мешать тем, кто пытается спасти то, что твоя семья довела до ручки.

Энтони бледнеет, отступает, натываясь на дверной косяк.

— Я... я прикажу тебя арестовать! Тебя сожгут, как и собирались! — выдыхает он, но в его голосе — только визгливая паника. — Я император!

— О, император? — Стилс улыбается. Это не улыбка. Это оскал. — Императора, которого публично выставили пьяным дураком, а потом вывели под ручку, как ребёнка, уже никто не боится. Тебя бояться меньше, чем последнего стражника у ворот. И правильно делают. Потому что ты — ноль. Пустое место.

Он подходит ещё ближе. Теперь они на расстоянии вытянутой руки. И Энтони со сдавленным выдохом подаётся назад.

— Не смей подходить!

— Ты боишься меня? — спрашивает Стилс почти любезно. — Напрасно. У меня есть цели. И пока ты им не мешаешь, я не буду тратить на тебя время. — Он наклоняется чуть ближе, и его шёпот режет, как лезвие бритвы. — А вот её ты должен бояться по-настоящему. — Стилс отводит от него взгляд и смотрит прямо на меня. — Потому что она умнее тебя в десять раз. Холоднее. И у неё есть причина тебя ненавидеть и презирать. После сегодняшнего — железная. И она королева. Настоящая. Она знает, как ждать. И знает, куда ударить. Бойся не моего гнева, Энтони. Бойся дня, когда твоя жена посчитает, что ты окончательно перестал

быть ей полезен. Этот день может наступить внезапно. От несчастного случая. От странной болезни. От того, что ты просто... не проснёшься.

Энтони смотрит на меня. Его пьяные глаза расширяются в чистейшем животном ужасе. Будто впервые видит во мне не жену и не трофей, который для него завоевал их отец. Он видит белую королеву.

Угрозу.

И Стилс только что вложил в его голову самое страшное оружие — понимание.

Энтони издаёт странный захлёбывающийся звук, разворачивается и почти выбегает из кабинета, спотыкаясь о собственные ноги.

Дверь захлопывается.

Тишина возвращается, теперь отягощённая произошедшим.

Я не двигаюсь. Дышу ровно через силу. Его слова... они были защитой? Местью за моё унижение? Или просто ещё одним ходом на доске — ослабить Энтони страхом, чтобы тот не мешал? Возможно, и то и другое. С Обероном Стилсом никогда нельзя быть уверенной.

— О чём ты хотел поговорить, командор? — спрашиваю я. Несмотря на напряжение, в этот раз мой голос звучит ровно.

Стилс отворачивается от двери. Его взгляд снова на мне, и теперь в нём нет ничего, кроме дела.

— Ты императрица, — говорит он. Не «вы». «Ты». Стилс явно доведён до предела. — Значит, теперь мне нужно, чтобы ты понимала. И действовала. Полумеры кончились вместе с академией. Рой нужно уничтожить. Целиком. И как можно скорее. Для этого нужны три вещи. Первое — немедленно ударными темпами увеличить производство и поставки в Ландериз кварцевого песка и свинца с северных месторождений Шаркдерии. — Он перечисляет, отбивая пункты пальцем по воздуху, как будто отдавая приказ на поле боя. — Того, из которого делают стекло для магических фонарей. Свет искр — пока единственное, что массово работает против роя. Нам нужно больше фонарей. В разы больше.

Я киваю, в голове уже прокручиваю указы, давление на советы, логистику. Это выполнимо. Дорого, болезненно, но выполнимо.

— Второе, — голос Стилса становится ещё жёстче, — выделить мне отдельное, изолированное здание. Вне города. С подземными помещениями. И организовать туда доставку. Всех свежих тел. Со всего Ландериза. Солдат, горожан, погибших от болезни и роя... всех.

Ледяная волна прокатывается по моей спине. Я прекрасно понимаю, о чем речь. Некромантия. В промышленных масштабах. Он собирается строить армию не из живых, а из мёртвых. Ценой собственной души и последних остатков своей репутации.

— Оберон... — начинаю я, но он перебивает.

— Третье. Тотальная мобилизация. Все от шестнадцати до шестидесяти лет вне зависимости от сословия обязаны пройти проверку на магический потенциал. Особенно женщины. Мы ищем искр. Каждую. Мы просеиваем всю империю.

Я закусываю губу. Это вызовет бунт. Панику. Но он прав. Нужно найти каждый ресурс.

— Ладно, — выдыхаю я, чувствуя тяжесть грядущих решений. — Я понимаю необходимость. Я подготовлю указы для Ландериза. Давление на совет, организация...

— Не только Ландериз, — безжалостно обрывает Стилс. Его синие глаза прожигают меня насквозь. — Я сказал — тотальная. Ты теперь императрица и Ландериза, и Шаркдерии, Леонора. Проверку должны пройти жители обеих стран. Все. До последней деревни. Гарпии, оборотни, простые люди. Все.

— Ты с ума сошёл? — вырывается у меня прежде, чем я успеваю надеть маску. — Шаркдерия только формально в составе! Я едва удерживаю лояльность кланов после того, как умер отец братьев Варгосов! Принудительная проверка всего населения — это... это вызов! Я не собираюсь этого делать.

Оберон резко подаётся вперёд. Нависает так, что у меня дыхание перехватывает. Он ничего не делает, но его присутствие и близость лишают возможности даже спокойно вздохнуть.

— Ты сделаешь это, Леонора, — тихо и при этом до жути пугающе произносит Оберон.

— Они восстанут! Это спровоцирует...

— Что спровоцирует? Войну? — заканчивает он за меня. Губы Стилса искривляются в безрадостной ухмылке. — Уже идёт война, Леонора. Очнись. И мы её проигрываем. Рою плевать на ваши внутренние распри. Он сожрёт всех. И Ландериз, и Шаркдерию с вашей драгоценной независимостью. Ты хочешь спасти свою родину? Не как отдельное королевство, а как народ, который будет жить? Тогда забудь о границах. Забудь о гордости кланов. Забудь обо всём, кроме одного: нам нужны искры. И мы найдём их. Везде. Даже если для этого придётся перевернуть обе страны до основания. Ты хотела стать императрицей Ландериза. Так будь ею до конца. Будь той, кто наконец будет достоин править здесь. Не ищи опору для себя, а стань опорой для своего народа!

Я смотрю в глаза Оберона, и каждое его слово разрядом пробегает по венам.

Его слова правильны и... опасны.

— А любой ли ценой должна доставаться победа, Оберон? — тихо спрашиваю я.

Он устало усмехается.

— Это самый частый вопрос, который мне задавали. И мой ответ неизменен — да, любой. Но не волнуйся, Леонора. Платить её придётся не тебе. Всю ответственность за решение и последствия я беру на себя. Если всё пойдёт не так, ты просто скажешь, что проклятый некромант смог получить над тобой контроль. А мне терять давно нечего.

— Ошибаешься, Оберон. — Я неожиданно для себя порывисто делаю шаг вперёд. — Если бы ты оглянулся, то понял, насколько всем нужен.

Стилс слегка склоняет голову к плечу, вглядываясь в мои глаза.

— Я понимаю, что всем нужен, — произносит он. — Но нужен я всем именно потому, что должен быть тот, кто берёт ответственность на себя. Кто пачкает руки и душу, чтобы другим этого делать не пришлось.

— Но ты... ты ведёшь себя как безумный фанатик, который не видит ничего вокруг, кроме цели. В конце концов, есть правила, которые...

— Мне плевать на правила! — неожиданно выкрикивает Оберон.

И эта вспышка настолько на него непохожа, что я невольно вздрагиваю.

Он это замечает и делает шаг назад.

— Простите, ваше величество. Моя выдержка мне изменила. — Он чуть опускает подбородок. В глаза возвращается привычный ледяной расчёт. — Но эти три указа вы должны издать. Иначе править вам будет больше нечем.

Я медленно поднимаю глаза. Встречаю его взгляд. В глубине души где-то ноет и плачет та женщина, которая позволила себе влюбиться и почувствовать абсолютное счастье длиной в танец. Но сейчас должна говорить королева. Точнее, императрица.

— Объясни мне, — говорю я тихо, но чётко, — как мы это сделаем? И что ты будешь делать с теми, кого найдём? И как вообще проводить настолько массовые поиски?

На лице Оберона проступает лёгкая улыбка удовлетворения.

— Об этом не беспокойся. Я всё беру на себя. С тебя только указы. Но они нужны уже сегодня.

Я делаю короткий незаметный вдох, а потом говорю:

— Ты их получишь, Оберон. Но ты должен осознавать — если последствия будут катастрофическими для обеих стран, то я тебя казню. Без колебаний.

Стилс усмехается.

— Я постараюсь оправдать ваше доверие, ваше величество.

В кабинете на мгновение повисает тишина, а за окном на западе пульсирует багровое зарево. Зарево грядущего конца. Или начала чего-то бесконечно более страшного.

Глава 11

Поглощение

Левиар

Очередной мощный удар крыльев, и передо мной открывается вид на Академию Хантстил.

Точнее, то, во что она превратилась.

Западная стена — груда обломков, из которой торчат, как сломанные кости, стальные балки каркаса. Главная башня — её верхняя часть отломилась и рухнула, скорее всего, внутрь двора. Огромная дыра зияет в стене библиотечного крыла. От тренировочных залов остались только почерневшие остовы и поднимающиеся вверх столбы чёрного дыма, сливающиеся с пульсирующим багровым заревом.

Даже воздух здесь будто бы другой. Сладковатый и тошнотворный — вонь Кровавого роя. Мы летим на предельной скорости, и этот воздух режет лёгкие, как наждак.

Но больше всего напрягает даже не это, а тишина.

Абсолютная.

Нет звуков боя. Нет взрывов, криков, рёва тварей. Только гулкое, зловещее потрескивание огня да свист ветра в руинах.

Это неправильно.

Наши огромные тени падают на почерневший плац. Когти двадцати семи драконов с глухим стуком, похожим на дробь гигантских барабанов, впиваются в камни. Звук эхом раскатывается по пустому колодцу двора.

Превращение — это всегда боль. Сжатие костей, втягивание чешуи, мир, сужающийся до человеческих пропорций. Но сейчас это похоже на пробуждение от кошмара к ещё большему кошмару.

Я встаю на ноги, кожей чувствую жар, идущий от камней. Рядом материализуются из серебристого света Арзас, из жёлтой молнии — Килсар. Выстраиваются другие: Тондер, массивный, как скала; ловкий Винс с глазами ястреба; братья Лорки, всегда держащиеся вместе. Искры Мэйзи, Айрис спрыгивают со спин, их лица бледны, фонари в руках горят тревожным светом.

И, конечно, моя Эли.

Всего три источника света против багрового мрака.

Тишина продолжает давить. Она оглушительнее любого рёва.

— Где... все? — шепчет Айрис, её голос дрожит. Она смотрит на почерневший фасад спального крыла, где должны быть окна их бывших комнат.

— Я думал, здесь погромче будет, — оглядывается Килсар. — Огонь и тот горит как-то тише.

— Командор сказал про эвакуацию. Значит, внутри могут быть выжившие. — Вперёд выступает Элира, и я с трудом подавляю рык.

«Ну вот куда ты опять лезешь?!»

— Не двигаться! — Я отодвигаю Элиру за себя, чувствуя через связь вихрь её напряжения и ярости. Мои шрамы под рубашкой начинают чесаться. — Это не развалины. Это желудок. И он ждёт, кого ещё поглотить.

— Согласен. — Арзас тоже оглядывается. — Мы прибыли быстро. Невозможно, чтоб за такой короткий срок всё здесь опустело. Противники точно есть. Как и выжившие. Значит,

тишина не просто так. Тондер, Винс, пожалуйста, обернитесь и патрулируйте с воздуха. А мы должны...

В этот момент из-под груды обломков у сторевавшей конюшни появляется фигура.

Девушка. В разорванном платье служанки, лицо в грязи и слезах. Она шатается, протягивает руки.

— Спасите... — Её хриплый шёпот разносится по двору. — Помогите... Они всех в подвал... Там ещё живые...

Мэйзи делает порывистое движение вперёд.

— Вай-бай, да ты вся...

— Стоять! — рычу я, но её уже не остановить.

Эта крестьянская идиотка уже рвётся к ней, но её успевает перехватить за руку Рэмси.

И именно в этот момент девушка поднимает голову.

Слёзы на её щеках не текут вниз. Они ползут вверх, к вискам, сливаясь в багровые узоры.

— Живые... — Её губы растягиваются в улыбку, слишком широкую, до ушей. — Да... очень живые... для улья... детки чёрного короля. Вкусно!

Её тело взрывается не в кровь и кости. В рой алых бабочек. Они кружат, сливаясь в вихрь, и их шелест — первый звук, нарушающий тишину.

Сигнал.

Взрыв!

Стены академии с грохотом разлетаются. Каменная кладка, балки, остатки витражей — всё это отлетает в стороны, и из-под них выворачивается наизнанку живая, пульсирующая плоть. Тысячи щупалец, сплетённых в единый ковёр, вырываются на свободу. Они не просто атакуют. Они преобразуют пространство. Двор перестаёт существовать — он становится пастью, стенки которой смыкаются над нами.

— ВВЕРХ! — ору я, хватая Элиру.

Но взлететь невозможно. Из-под земли вырываются ещё щупальца, толстые, как стволы деревьев, и бьют по нам, как кнуты. Один из братьев-драконов, не успевший взмахнуть крыльями, сдавлен двумя такими. Раздаётся хруст костей и приглушённый хрип.

Твою мать!

— Формировать круг! — мысль Арзаса, острая и чёткая, режет хаос. — Искры, свет!

Элира, Мэйзи, Айрис поднимают фонари. Три луча — изумрудный, алый, золотой — бьют в наступающую массу. Плоть шипит, дымится, отступает. На секунду.

Потом из глубины «пасти» доносится звук. Не рёв. Низкий вибрирующий гул, пронизывающий череп и входящий прямо в мозг.

И резонансная связь, та самая нить между драконом и искрой, вздрагивает.

Рядом со мной ещё один дракон вдруг замирает. Его глаза, острые и ясные секунду назад, заволакиваются багровой плёнкой. Он поворачивает голову к своему другу.

— Винс? — шепчет он.

Вместо ответа тот разворачивается и вцепляется зубами в шею дракона рядом.

Твою же ж мать!!!

Захватили сознание!

Гул нарастает. Ещё один дракон, потом ещё замирают, их разумы пожираются. Они превращаются в марионеток роя, набрасываясь на своих. Хаос становится абсолютным. Свет искр мечется, пытаясь ослепить и своих, и чужих, разрываясь между защитой и атакой.

Я рву когтями щупальце, тянущееся к Элире. Моё пламя бездны вырывается короткими яростными вспышками, прожигая плоть. Но на каждого отрубленного тентакля приходят три новых.

— ЛЕВИАР! — кричит Элира. Её свет бьёт в морду дракону, который с багровыми глазами пытается вцепиться в меня. Я успеваю увернуться, чувствуя, как его коготь проносится в сантиметре от лица.

— Арзас! Килсар! Прорыв наверх! Сейчас же!!! — мысль-крик.

Арзас, пытающийся создать ледяную стену, окружён. Один из драконов, всё ещё вменяемый, рвёт щупальца, пытаясь его прикрыть, но его самого хватают за ноги и с размаху бьют о землю.

Я вижу, как Килсар, мелькая молнией между щупальцами, пытается добраться до Айрис, которую отбросило слишком далеко. Но щупальце, вынырнувшее прямо из-под его ног, обвиняет её и с хрустом затягивает в тёмный пролом в стене-плоти. Её крик обрывается мгновенно.

— НЕТ! — Килсар ослепительной вспышкой бросается в пролом за ней.

Да твою же ж!!!

Мы потеряли искру и сильнейшего дракона легиона!!!

И тут наступает вторая волна.

Не щупальца. Из всех пор живой стены вырывается туман. Багровый, густой, липкий. Он не горит. Он обволакивает. Попадая на кожу, он впитывается, вызывая мучительный спазм. Попадая в лёгкие — парализует.

Драконы, ещё держащиеся, начинают кашлять, падать на колени. Их руки опадают и становятся будто бы неподъёмными.

Свет фонарей Мэйзи и Элиры пробивает эту пелену, но его уже недостаточно. Туман — это не атака. Это поглощение.

Они знали, что мы придём.

Они ждали нас.

Щупальца хватают ослабевших драконов и затягивают внутрь. Одного. Второго. Третьего.

Я отбрасываю Элиру за спину, покрывая её телом, рву мечом и пламенем бездны всё вокруг. Но туман лезет в глаза, рот. Мир сужается до багровой пелены и силуэтов товарищей, исчезающих в пасти улья.

Рядом с нами Мэйзи, яростно размахивая фонарём, отбивается от щупальца.

Ещё дракон, молодой парень с лицом, искажённым болью, бросается прикрыть её, но его самого хватают и утаскивают прочь. Мэйзи кричит, пытаясь ухватиться за него, но её отбрасывает в сторону, к группе ещё держащихся бойцов — дракону с повреждённой рукой и двум другим, прикрывающим раненого.

— ЛЕВИАР! — снова крик Элиры, полный не боли, а ужасающего осознания.

Я оглядываюсь. Огромное первичное щупальце, толще всех остальных, обвиняет её с ног до головы, как удав. Оно не давит. Оно несёт. В ту самую чёрную дыру, в которой исчезли остальные.

Бездна во мне вырывается наружу целиком.

Чёрно-алая аура пламени выжигает туман и опаляет всех вокруг.

Раздаются крики тех, кого я задел, но сейчас мне плевать.

Перед глазами только Элира.

Я бросаюсь вперёд.

Меч вонзается в плоть щупальца, рвёт её. Но оно регенерирует быстрее.

— Нет! Нет!!! Эли!!!

Я хватаю Элиру за руку. Наши взгляды встречаются.

Она смотрит на меня, тяжело дыша оттого, как сильно на ней сжимаются проклятые кольца.

«Левиар. Живи. Вытащи... их».

Она не говорит эти слова.

Они в моей голове.

— Эли...

Щупальце дёргается с чудовищной силой. Её рука выскальзывает из моей хватки, и я, не удержавшись, падаю на обугленные плиты плаца, покрытые ошмётками тварей.

Элиру затягивает в темноту, а я остаюсь на коленях в багровой мгле, окружённый рёвом чужих драконов, шелестом щупалец. Воздух выдран из моих лёгких. Вместе с ней.

Рядом хрипит Мэйзи, поднимаясь на ноги. Её фонарь треснул, но ещё горит.

Вниз спускается Тондер. Единственный, кто был в образе дракона и поддерживал нас сверху.

Арзаса тоже нет, но я даже не видел, в какой момент его поглотили.

Есть только я, крестьянка, дракон-тяжеловес и двое оставшихся раненых драконов.

Ничтожная горстка неудачников.

Тишина возвращается. Густая, победная. И из глубины сквозь плоть и камень доносится тот самый гул. Теперь он звучит как смех.

Я поднимаюсь. Мои шрамы пылают не зелёным, а снова чёрно-алым. Тем самым огнём пустоты, который был моим единственным спутником до встречи с Элирой.

Я смотрю на сомкнувшуюся стену-плоть. Туда, где исчезла она.

Бездна внутри меня больше не бурлит. Она застыла в абсолютном, леденящем молчании ярости. Не для крика. Для одного последнего дела.

Я поворачиваюсь к оставшимся, к Мэйзи, в чьих глазах горит тот же немой, безумный огонь.

Говорить не нужно. Мы всё понимаем.

Улей проглотил наше сердце. Теперь нам предстоит войти в его брюхо и вырвать его обратно. Или сжечь изнутри, даже если сторим вместе с ним.

Но тут Тондер говорит:

— Искра. У нас только одна искра. И фонарь треснутый.

Я даже не поворачиваюсь к нему.

— Вижу.

— Они разум захватывают. Вам-то, генерал, всё равно. Но меня один раз почти затащили на ту сторону. Второй раз не хочу.

— Если хочешь сбежать, вперёд, — фыркаю я.

— Я не хочу сбегать. Но нам нужна ещё сила. Та, которая с ними совладеет и чей разум не подавят.

— Стилса хочешь позвать?

— Нет! Ты идиот?! — Мэйзи хватается Тондера за руку. — Они же его и ждут.

— Да не командора я хочу позвать. Нам нужен капитан Крэйг.

Я стискиваю зубы.

Ненавижу этого отмороженного ублюдка. Но сейчас он бы и правда пригодился.

— Тогда зовите. А я вас ждать не буду. Мне нужно забрать Элиру.

— Если она ещё жива, — вставляет кто-то из раненых, и я в один момент оказываюсь возле него и встряхиваю за плечо.

— Она жива!!! Не может быть по-другому!!!

Глава 12

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.